Ерофей Трофимов

РОКИРОВКА



Рокировка

Дворянин поневоле

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Ерофей Трофимов

Рокировка: Рокировка. Дворянин поневоле

«Издательство АСТ»
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Трофимов Е.

Рокировка: Рокировка. Дворянин поневоле / Е. Трофимов — «Издательство АСТ», 2025 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-178118-7

Сборник рассказов, объединённых темой неожиданного перемещения героя в чуждые обстоятельства. Центральный персонаж вынужден адаптироваться к новым условиям, противостоять бандитским группировкам и турецким работорговцам, опираясь на помощь казачьего сообщества. Их поменяли местами. Зачем — неизвестно. Но он привык выживать. Всегда и везде. И не просто прозябать, а жить для себя и других. Но чтобы обеспечить спокойную жизнь, приходится бороться, то с бандитами из Ростова-папы, то с людоловами турецкими. Благо казаки всегда готовы прийти на помощь. В общем, забот и хлопот хватает, а тут ещё и в столице требуется его помощь деду. И хоть разорвись, но это важно и тут, и там…

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-178118-7

© Трофимов Е., 2025
© Издательство АСТ, 2025

Содержание

Рокировка 6
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Ерофей Трофимов
Рокировка. Дворянин поневоле

© Ерофей Трофимов, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

Рокировка

Колонна шла по горному серпантину, разбрасывая грязь и мелкие камни. Натужно воя мотором, «Урал» вскарабкался на перевал и, тяжело перевалив взгорок, принялся сползать под гору. В который уже раз стукнувшись плечом о стойку кузова и поморщившись, Сашка буркнул себе под нос:

– Да когда ж эта хрень кончится? Остозвездело…

– Сашка, ты чего там бурчишь? – послышался требовательный вопрос старшины роты.

– Да надоело все, товарищ прапорщик, – вздохнул Сашка. – Грязь эта бесконечная. Зеленка. Жара. Дороги эти горные…

Договорить Сашка не успел. Знакомое шипение гранатометного выстрела заставило его одним движением передернуть затвор автомата, во весь голос выкрикивая:

– Духи!

А дальше завертелось. Шедший первым БТР полыхнул пламенем, и колонна встала. От машин горохом посыпались бойцы, а со склона на них обрушилась пулеметная очередь.

«Из „дашки“ садят, – мелькнула у Сашки мысль. – Ствола им не жалко. Да такой очередью его враз посадишь».

Но дальше стало не до размышлений. Закатившись за ближайший валун, Сашка быстро осмотрелся, автоматически отмечая про себя, что почти весь их взвод еще жив. Вон пацаны гранаты готовят. Салаги. Сколько раз твердили: на выходе всё готово должно быть. И плевать, что не положено. Только старшины почему-то не видно. Заметив мелькнувшую на склоне зеленую повязку, Сашка, не целясь, выпустил в ту сторону пару патронов. Сейчас главное не попасть, а обозначить готовность воевать. Обычно этого хватает. Сообразив, что сразу накрыть охрану не получилось, духи, постреляв, уходят. Затяжной бой не для них. Нет, бывает, конечно, что они начинают переть буром, словно медведь на случку, но обычно это случается, когда их больше и они это знают. А если это обычная, так называемая москитная группа, то в долгую перестрелку не ввязываются. Сашка уже год по этим горам сайгачит. Научился понимать моменты.

Дав еще пару коротких очередей, он перекатился обратно к машине и, напрягая глотку, окликнул:

– Старшина! Товарищ прапорщик! Вы как там?!

В ответ послышался стон, и на задний борт упала окровавленная рука.

– Твою мать! – выругался Сашка, выпуская еще одну очередь. – Пацаны! Старшина ранен. Отходим от машин. Занять круговую оборону!

Командовать он права не имел. Не офицер, и даже не сержант. Но среди всего личного состава он был самый опытный в подобных делах. Вот и пришлось брать на себя то, чего он всегда старательно избегал. Ответственность за других. Да и откуда бы ему научиться той самой ответственности? Сирота приютский. Сколько Сашка себя помнил, всегда жил в приюте. Потом общага, а вот теперь армия.

Хорошо хоть перед самым призывом успел водительские права получить. Хоть какая-то профессия. Хотя ему всегда больше нравилось с железками возиться. Но в их захолустье учили на водителей, на плотников или на крановщиков. Откуда взялся такой набор, он не понимал. Да этого, наверно, и сами чиновники роно не знали. В общем, бери, что дают, и радуйся. А не хочешь, вали в большой город и живи, как знаешь.

Увидев, что сослуживцы его услышали и начали откатываться от дороги, Сашка дал еще пару коротких очередей и, упав на землю, быстро пополз к присмотренному валуну. И плевать, что потом форму отстирывать устанешь. Зато жив. Обстрел начал стихать, и Сашка, уже почти добравшись до валуна, оглянулся. Последнее, что он увидел, летящая в него ручная граната…

* * *

Рядовой полка стрелков Иностранного легиона Александр Мерсье вот уже пятый год топтал землю Африки, мечтая только о том, как вернется в метрополию и займется тем, что ему нравилось больше всего. Ремонтировать автомобили. Эта странная, но очень интересная техника появилась не так давно, но уже начала вытеснять обычные кареты. Увидев такой аппарат в первый раз, Александр словно завороженный полчаса ходил вокруг него, пытаясь понять, что именно заставляет его двигаться.

Заметивший его интерес владелец автомобиля, услышав, что паренек мечтает сам собирать такие, посоветовал ему обратиться в ремонтные мастерские мсье Ленуа. Мэтр буквально на днях жаловался, что ему не хватает рабочих рук. Узнав адрес, Александр отправился в мастерские и уже почти договорился о работе, когда все и случилось. Его настигли. Банда из их приюта, отслеживавшая детвору и подростков. Они работали на управляющего приютом и подчинялись лично ему. Так что любые их действия были заранее им одобрены.

Потом случилась яростная драка, и Александр, схватив с земли камень, не раздумывая опустил его на голову главаря банды. Вид лежащего в луже крови заводилы разом отрезвил остальных. Но перед Александром в полный рост встала новая проблема. Отправиться на каторгу за случайное убийство или бежать куда глаза глядят. Без гроша в кармане. Но мэтр Ленуа, видевший все своими глазами, дал ему неплохой совет.

Записаться рядовым в Иностранный легион. Подписав контракт, Александр окажется неподсуден для любых гражданских властей. А главное, его не смогут достать никакие попечители приюта. Армия шутить не умеет. И если ты стал ее мясом, то ты или отслужишь контракт, или сдохнешь. Третьего не дано. Понимая, что это его единственный шанс (на тот момент Александру казалось именно так), он бросился в ближайший вербовочный центр.

Дальше была краткая беседа, подпись под контрактом и долгий переезд на пароходе в Северную Африку. И плевать вербовщику было, что Александру было всего шестнадцать. Высокий, крепкий, жилистый, он легко смог прибавить себе пару лет. Три месяца так называемой учебы, и перевод в действующие подразделения легиона. И вот уже пятый год он тянул солдатскую лямку в этих богом забытых землях, где нет ничего, кроме песка и кучки дикарей. Спрашивается, зачем вдруг Франции понадобилась эта пустыня? Да здесь ведь ничего не растет. А ее обитатели, туареги, те еще звери. Стоит только зазеваться – и ты в лучшем случае покойник. О худшем даже думать не хотелось.

Александр уже по праву считался ветераном легиона. Три ранения, куча мелких стычек и десяток серьезных боев. Война тут не заканчивалась никогда. Иногда у него складывалось впечатление, что в этих песках все только и делают, что воюют. Он уже даже начал забывать, как это, жить простой, спокойной жизнью. Война превратила его в того, кого называют диким зверем. Все время начеку, все время ожидающий подвоха с любой стороны. Только такие тут и выживали.

Вот и теперь вначале все шло, как обычно. Его десяток заступил на дежурство, и капрал развел личный состав на наблюдательные посты, которые находились на углах крошечного форта. Теперь ему оставалось только тупо пялиться в пустыню, высматривая любое несоответствие песчаному пейзажу, и быть готовым в любой момент поднять тревогу. Но спустя час из-за бархана вынеслась сотня туарегов на верблюдах и, испуская пронзительный визг, понеслась к форту.

Выхватив свисток, Александр принялся пронзительно свистеть, а потом, вскинув винтовку, выстрелил. Сейчас было не до прицеливания. Главное, обозначить, что он видит противника и готов драться с ним. Сержант, услышав трель свистка и выстрел, принялся отдавать команды громовым голосом, но туареги, словно обезумев, неслись прямо под стены форта.

Виртуозно управляя верблюдами, они свернули у самой стены и понеслись вдоль нее, продолжая визжать и пуская стрелы. Понимая, что противник находится в мертвой зоне, Александр оставил вместо себя молодого бойца и, скатившись по лестнице во двор, подбежал к сержанту.

– Сержант! Боюсь, они собираются атаковать ворота, – выпалил он, едва остановившись.

– Да что ты говоришь? А я, дурак, и не догадался, – фыркнул тот.

– Сержант, прикажите выкатить одно орудие к воротам, – не уступал Александр.

– Вот ты его и выкатишь, – рявкнул сержант. – Бери троих солдат, и перекатывайте вон то орудие вот туда. Порох и ядра знаешь где. Всё, солдат. Действуй.

– Слушаюсь, – выдохнул Александр и, окликая ветеранов из своего десятка, понесся к пороховому складу.

Они едва успели перекатить орудие и навести его на ворота, когда через стену полетели глиняные горшки с какой-то горючей гадостью. Во дворе форта воцарился настоящий ад. Но бойцы легиона продолжали отбиваться. Очень скоро от дыма и копоти в форту было не продохнуть. Стволы винтовок раскалились так, что их стало опасно заряжать, но они все еще держались. А потом раздался взрыв. Что это было, Александр так и не понял. Помнил он только одно. Тяжкий грохот, от которого содрогнулась сама земля, и неожиданно долгий полет, закончившийся сильным ударом. А потом все вокруг померкло.

* * *

Твою мать! Больно-то как… Сашка попытался открыть глаза, но, вместо хоть какой-то картинки, получил очередную порцию боли. У парня было такое ощущение, что ему мозг вместе с глазами рыболовным крючком вынимают. Кусочками. Машинально попытавшись пошевелиться, он краем сознания понял, что не ощущает тела.

«Только этого не хватало, – мелькнула мысль. – Неужели хребет сломан? Нет, только не это. Всю оставшуюся жизнь овощем лежать и под себя гадить, это не для меня. Лучше сдохнуть».

Но тут, вместе с головной болью, появилась и боль тела. Казалось, что по нему каток ездит. Болело буквально всё. Ныли даже те мышцы, о существовании которых Сашка и не подозревал. Не удержавшись, он застонал. Сквозь звон в ушах он неожиданно расслышал рядом какую-то возню, потом чьи-то грубые руки приподняли ему голову, и в губы что-то ткнулось. Потом в рот полилась вода. Теплая. Затхлая. Но удивительно вкусная. Именно так ему тогда показалось.

Закашлявшись, Сашка с грехом пополам сделал пару глотков и снова закашлялся. Кое-как отдышавшись, он вдруг сообразил, что дышать стало легче. Потом понял, что и боль немного отступила. Сделав очередную попытку открыть глаза, Сашка сквозь выступившие слезы рассмотрел склонившегося над ним человека. Усатая физиономия в грязно-белом халате старше средних лет. Точнее он определить не смог. Да и не интересно было.

На тот момент Сашку больше интересовало его собственное состояние. Судя по тому, как с ним обращались, позвоночник остался цел. На это его познаний в медицине хватило. Осталось выяснить, что же с ним на самом деле. Разлепив непослушные, словно резиновые губы, Сашка попытался заговорить, но вместо слов изо рта вылетело какое-то сипение. В ответ раздалась какая-то тарабарщина, среди которой Сашка четко расслышал одно-единственное знакомое слово:

– Мерд!

«Не понял. А при чем тут французский? – удивленно подумал парень. – Ведь по-французски это – дерьмо. Их излюбленное ругательство. Я же помню, во всех книжках так писали. Меня что, в плен взяли? Или это Красный Крест? Блин, что тут вообще происходит?»

Мысли текли вяло, но от них почему-то хотелось завыть. Отдышавшись, Сашка попытался сфокусировать взгляд на стоящем у кровати человеке в белом халате. Видеть лучше от этого он не стал, но вдруг понял, что смотрит на мир одним глазом. Второй что-то закрывало. Между тем разговор рядом возобновился, и после короткого спора носитель халата снова приподнял Сашке голову. Кое-как напоив парня, он развернулся и широким шагом вышел из помещения.

Во всяком случае, Сашке показалось именно так. Понимая, что возиться с ним никто не собирается, парень заставил себя расслабиться и попытался вспомнить все, что с ним было. Убедившись, что до разрыва гранаты помнит все случившееся, Сашка немного успокоился и неожиданно для самого себя уснул. Проснулся он от простого и естественного желания. Мочевой пузырь был переполнен. Понимая, что еще немного и случится конфуз, парень сделал попытку подняться и тут же свалился, скрученный очередным приступом боли.

– В чем дело, приятель? Тебе что-то нужно? – послышалось рядом.

– Да. В туалет, – прохрипел Сашка, даже не отдавая себе отчета, с кем говорит.

– Тебе отлить или серьезно?

– Отлить.

– Сейчас. Вот, подсунь себе и поливай, – в руку ткнулся какой-то странный предмет. – Надеюсь, сам справишься. Извини, но тут не госпиталь святой Женевьевы и сиделок нет.

На ощупь определив, что это обычная больничная «утка», Сашка кое-как уложил ее и едва успел направить струю по назначению. Это было блаженство. Облегчившись, он попытался достать «утку», но руки были еще очень слабыми.

– Да, приятель, похоже, самому тебе не справиться. Ладно. Давай, – послышалось рядом, и чья-то рука отобрала у него «утку».

– Ты кто? – спросил Сашка, дождавшись, когда приступ боли отступит.

– Такое же мясо, как и ты, – послышался ироничный ответ. – Словил стрелу в локоть, потом рана начала гнить. В общем, теперь я однорукий инвалид.

– Я вообще-то хотел имя твое услышать, – нашел в себе силы хмыкнуть парень.

– Жак. Жак Полен. А ты кто?

– Александр, – выдохнул Сашка и снова потерял сознание.

В третий раз он очнулся, когда услышал рядом с кроватью странный разговор. Помня, что резкие движения ему противопоказаны, Сашка остался недвижим, решив послушать, о чем спорят эти двое. Разговор оказался весьма содержательным. Обладатель сочного баритона наседал на своего собеседника, отвечавшего ему почтительно, но непреклонно.

– И вы хотите сказать, что эти симулянты не могут выполнять свой долг?

– Полковник, при всем уважении, но в этой палатке нет симулянтов. Вон там, лежит солдат, потерявший руку. Вот здесь человек без ноги. А вот это очень тяжелая контузия, да еще и лицо изуродовано осколком. Не уверен, что он вообще выживет.

– Да плевать мне на его рожу, – зарычал тот, которого назвали полковником. – Меня интересует только одно. Когда он сможет встать в строй?

– Боюсь, никогда.

– Вы издеваетесь, доктор?! – возмущению полковника не было предела. – Чтобы солдат не смог служить, получив по башке?

– Этот человек очнулся только вчера. А привезли его неделю назад. Чем обернется его контузия, я даже предположить не возьмусь. Я хирург, а не психиатр.

– Хотите сказать, что он свихнулся? – насторожился полковник.

– Мсье, мозг человека еще слишком слабо изучен. Медицина не точная наука, и что с ним будет дальше, я даже предполагать не возьмусь. Все в руках Божьих. Вполне возможно, все обойдется. А может произойти так, что с ним будут случаться приступы агрессии. Или при

резких звуках он начнет забывать обо всем и будет просто кататься по земле, воя от боли в голове.

– Дьявольщина! Доктор, вы можете мне сказать хоть что-то хорошее, или у вас нет никого, кто может быть мне полезен?

В голосе полковника прозвучали злость и разочарование. Но воинственный тон он явно сбросил.

«Полковник Жофрей. Или мясник Жофрей. Только он способен гнать в строй людей, едва начинающих вставать на ноги после ранения». Эта мысль мелькнула у Сашки так неожиданно, что парень невольно вздрогнул.

– Не в этой палатке, полковник, – послышался ответ. – Здесь лежат только тяжелые. Те, кого я буду вынужден списать, несмотря на все ужимки наших доблестных тыловиков.

– Тогда какого дьявола мы тут делаем?

– Ну, вы же не пожелали дождаться, пока я закончу операцию, и решили провести инспекцию сами, – в голосе врача послышалась неприкрытая усмешка.

– Откуда вообще взялся этот контуженый? – мрачно поинтересовался полковник.

– Привезли из форта. От взвода выжило только трое. Двоих мы уже похоронили. Этот последний.

– Ах да. Взрыв порохового склада. Проклятье! Там даже от самого форта ничего не осталось. Как он вообще выжил?

– Понятия не имею. Его привезли неделю назад. Едва живого. Я сделал все, что смог, но контузия не лечится хирургическими методами. Но вчера он очнулся. Что будет дальше, не знаю.

– Что ж. Пожалуй, вы правы. Списывайте эту шваль. Мне не нужны солдаты, с которыми нужно разговаривать только шепотом. Документы я подпишу. Думаю, пара инвалидов не сильно обременят казну метрополии. А теперь я прошу вас показать мне тех, кто мне нужен.

– Прошу за мной, полковник, – послышалось в ответ. И спорившие вышли.

– Мясник поганый, – послышалось злое шипение из угла. – Эта тварь нас за людей не считает.

– Дай воды, – вздохнув, попросил Сашка и поперхнулся, сообразив, что сказал.

Точнее, не что, а как. Фразу эту он произнес на французском. Причем так, словно всю жизнь говорил на этом языке. Послышались шаркающие шаги, и в ладонь парня сунули кружку.

– Помоги, – попросил Сашка, вообразив, что сам не справится.

– Извини, приятель, но у меня только одна рука, – услышал он в ответ.

– Голову подними, дальше сам попробую, – нашелся Сашка.

Постанывая от напряжения и боли, он кое-как дотащил руку с водой до лица и принялся пить, проливая воду себе на грудь.

– Да, приятель. Похоже, не скоро ты сможешь на ноги встать, – вздохнул поивший его солдат, понаблюдав за мучениями парня.

– Жак, если я правильно помню? – отдышавшись, спросил Сашка.

– Смотри-ка, запомнил, – удивленно хмыкнул солдат. – Я уж думал, ты помер. Только что говорил, и вдруг уже без сознания. Потом присмотрелся, а ты спишь.

– Прости, Жак. Ты не мог бы говорить потише? – собравшись с духом, попросил Сашка. Голос солдата отдавался в висках болью.

– Хм, извини. А наш коновал не так и прост. Правильно сказал, что у тебя будет голова болеть от громких звуков.

– Это всегда бывает при контузии, – вздохнул Сашка. – Жак, а где мы находимся. Нет, то, что это госпиталь, я уже понял. Но где этот госпиталь находится?

– Понимаю, приятель. Тебя привезли сюда без сознания. Мы на окраине города Тиндуф. Ну, городом это только называется, но название точное.

– Ага, – прохрипел Сашка, понимая, что уже вообще ничего не понимает.

Сначала свободный разговор на французском. И это при том, что он всю жизнь немецкий мимо проходил. Теперь выясняется, что очнулся он ни много ни мало, а на границе Западной Сахары. Во всяком случае, на карте, которую Сашка помнил совсем неплохо, было написано именно так. Ему всегда нравилось рассматривать карту мира, мечтая, что однажды он сможет объехать все страны, и увидеть их своими глазами. В приюте вообще много мечтают.

И вот теперь сбылась мечта идиота. Он в Африке. Осталось выяснить, как он сюда попал и что с ним собираются делать. Про выкуп пленных он слышал много. Но нигде и никогда не говорили, что их предварительно вывозят в Африку, да еще и лечат. Обычно утаскивали в горы и сажали в яму. Выживешь, твое счастье. Обменяют, если захотят. Нет. Значит, не повезло. Но при чем тут французы? Может, они его решили на органы разобрать? Тогда зачем лечили? Можно было сразу распотрошить.

Окончательно запутавшись, Сашка тяжело вздохнул и решил заняться более актуальными делами. А именно, провести инвентаризацию собственного организма. Сосредоточившись, он слегка пошевелил ногами. Ноги плохо, но слушались. Даже пальцы. За ногами последовали руки. Тут тоже не все слава богу, но, по крайней мере, они на месте. Туловище, судя по болевым ощущениям, почти цело. Теперь самое главное – голова. Осторожно подтянув руку к лицу, Сашка принялся пальцами ощупывать голову и тут же наткнулся на толстую повязку.

– Что, приятель, зудит? – последовал вопрос. – Лучше не трогай. Пусть зудит. А то растравишь, потом только хуже будет.

– Пытаюсь понять, что от меня осталось, – шутливо пояснил Сашка.

– Все осталось. Наш коновал сказал, что у тебя только одна проблема. Голова.

– А чего тогда всю морду перевязали? – не понял парень.

– Осколком лицо распахало. Но самое главное, это контузия. Да уж, повезло. Из целого взвода ты один выжил. Взрыв порохового склада, это не шутки.

– Стоп! Какого на хрен склада?! Меня гранатой приложили! – едва не завопил Сашка в полный голос едва осознав, что слышит. – Жак, а какой сейчас год, – на всякий случай уточнил парень, приготовившись услышать очередную гадость.

Как говорится, предчувствия его не обманули.

– Тысяча восемьсот девяносто восьмой год от Рождества Христова. Семнадцатое мая. Ты неделю труп изображал, – послышалось в ответ, и Сашка, не удержавшись, застонал в голос.

Этого не может быть! Так не бывает! Это вообще не с ним происходит! Все существо парня буквально вопило и корчилось от ужаса, заставляя тело содрогаться и скулить от очередной волны накатившей боли. Но это была не только телесная, это была душевная боль. Он не понимал, что и как случилось, и почему он вообще все это видит и слышит. Спустя несколько секунд боль затопила все его сознание полностью, и наступила спасительная темнота.

* * *

Александр Мерсье в свои не полные двадцать повидал всякое. Были и боль, и унижения. И даже презрение. Но то, что он чувствовал сейчас, не с чем было сравнить. Страх, переходящий в животный ужас, боль, разрывавшая сознание в клочья. Больше всего ему в тот момент хотелось умереть, чтобы избавиться от этого кошмара. Наконец, все улеглось, и только на самом краю сознания продолжала биться трусливая мыслишка, что еще не все закончилось.

Отдышавшись, он собрался с духом и попытался открыть глаза. Как бы ни было страшно, но понимать, что с ним и что происходит вокруг, было нужно. Свет ударил по глазам, выжимая слезы и вызывая очередной приступ боли. Над головой раздался странный, неприятный звук, и тут же рядом с его лежанкой послышались чьи-то шаги. Звук исчез, а потом кто-то, аккуратно приподняв ему голову, начал смачивать пересохшие губы чем-то влажным. Судо-

рожно хватая ртом живительную влагу, Александр снова попробовал осмотреться. На этот раз было гораздо легче. Очевидно, зрение привыкло к освещению и слезы уже не так застили взор. Сфокусировав взгляд на том, кто помогал ему, он рассмотрел миловидное женское лицо и, не удержавшись, еле слышно прошептал:

– Вы ангел?

– Эк тебя раскорячило, солдатик, – рассмеялась она в ответ. – Хочешь чего?

– Пить, – сумел выдавить он.

– Сейчас, – кивнула женщина и, отвернувшись, взяла что-то со странной блестящей полки.

В губы Александру ткнулась тонкая трубка из странного прозрачного материала. Не понимая, что с ней делать, он инстинктивно всосал содержимое бутылки, которую держала женщина, и в рот ему потекла прохладная и удивительно вкусная вода. Моментально проглотив содержимое бутылки, он почувствовал, что начинает оживать. Заметив его настороженный взгляд, женщина поправила ему подушку и, убрав бутылку, вышла.

Пользуясь моментом, он принялся осматриваться и тут же едва не заорал от ужаса. В изголовье его лежанки стояло какое-то странное сооружение, которое ритмично попискивало и подмигивало ему крошечным фонариком. Скосив глаза, Александр заметил у второй кровати такую же штуку и с облегчением перевел дух. По всему выходило, что это не какое-то дьявольское ухищрение, а медицинский прибор, который присоединяют ко всем раненым посредством тонких шнурков.

Тяга Александра к технике позволила ему смотреть на вещи не с религиозной, а с жизненной точки зрения. Так что очень скоро он начал воспринимать окружающее не как нечто нереальное, а как достижения технического прогресса. Даже прослужив в забытых богом уголках Африки почти пять лет, он старался интересоваться всем, что появлялось нового в техническом плане, выпрашивая у офицеров старые газеты.

В палату вернулась женщина в сопровождении высокого худощавого мужчины средних лет. Приятное европейское лицо, седые виски и странная одежда салатного цвета. Присев на край кровати, мужчина быстро осмотрел Александра и, ловким движением обнажив ему грудь, достал из кармана небольшой металлический кругляшок. Вдев в уши гнутые блестящие трубки, он приложил эту странную железку к груди парня, приказав ему дышать.

Александр послушно сделал несколько глубоких вдохов, мысленно удивляясь тому, что видит. В полку доктор тоже слушал его грудь, но делал он это при помощи деревянной трубки. А тут кусок железа, соединенный с трубками веревочками из странного материала. Чуть кивнув, врач убрал железку обратно в карман и, повернувшись к женщине, попросил ее принести историю болезни. Что это такое, Александр мог только догадываться.

Он несколько раз оказывался в госпиталях по ранениям, но никогда раньше не попадал в такие роскошные условия. И уж тем более ни один врач не записывал то, что с ним было. Обычно все было гораздо проще. Хирург извлекал из тела причину ранения, зашивал рану, после чего санитары регулярно меняли повязку, отслеживая, чтобы рана не воспалилась. Забрав у женщины в таком же костюме странного вида тетрадь, врач быстро пролистал ее и, задумчиво посмотрев на парня, хмыкнул, неопределенно пожав плечами.

– Совсем плохо, доктор? – негромко спросила женщина.

Про себя Александр решил называть ее сестра милосердия.

– Скорее, непонятно, – проворчал врач, продолжая листать тетрадь. – Тут написано, он сирота. Родственников нет. И для него это очень плохо.

– Почему?

– Боюсь, после такой контузии придется его отправить в клинику неврозов. Сейчас точно говорить о чем-то еще рано, но судя по реакциям, все грустно. Полная раскоординация организма, и сможет ли он восстановиться, одному богу известно.

– Доктор, что со мной? – на пределе сил спросил Александр.

– Что? Что вы сказали? – повернулся к нему врач.

– Я спросил, поправлюсь ли я, – прохрипел парень.

– Доктор, по-моему, это французский, – растерянно глядя на него, прошептала сестра милосердия.

– Какой нафиг французский, тут написано, что он в путяге немецкий учил, – фыркнул врач, встряхивая тетрадью. – Вы с ним о чем-нибудь говорили?

– Он спросил, не ангел ли я, – ответила женщина, еще больше растерявшись.

– На каком языке?

– На русском.

– Это еще что за фокусы? – возмутился врач, удивленно рассматривая парня. – Только левых закидонов нам не хватало. Начальство нам тут быстро все к единому языку приведет.

– Вы о чем, доктор? – не поняла сестра милосердия.

– Вы хоть представляете, что тут начнется, если гражданские психиатры узнают, что контуженый солдат, учивший всю жизнь немецкий язык, после контузии заговорил по-французски? Они ведь начнут требовать указать место, где это случилось. А наши генералы такие факты обнародовать очень не любят, – мрачно пояснил врач.

– И что делать?

– Пока молчать. Напоите его, приведите в порядок, и пусть спит. Пока для него это лучшее времяпровождение. Посмотрим, как будет чувствовать себя дальше. Если организм начнет оживать, начнем потихоньку восстанавливающую терапию. Парень молодой, крепкий, должен оклематься.

– Снотворное колоть? – деловито уточнила женщина.

– Не стоит. И так уснет, – чуть подумав, отмахнулся врач. – Ему сейчас сам организм будет подсказывать, что делать. Точнее, делать без участия мозга.

Развернувшись, доктор вышел из палаты, и Александр настороженно уставился на сестру милосердия. Улыбнувшись ему одними губами, она принялась за дело. Ловко сменив ему белье и одежду, она обтерла его тело влажными салфетками и, накрыв одеялом, тихо спросила:

– Есть хочешь?

– Только пить, – выдохнул Александр.

– Ну вот, опять по-русски заговорил. И как у тебя это получается? – удивленно вздохнула она, поднося ему бутылочку с водой.

Ответить Александр не успел, уснув, едва успев отпить несколько глотков. Второй раз его разбудило нестерпимое, но вполне естественное желание. Понимая, что нужно срочно что-то делать, Александр попытался приподняться, и тут же над головой снова раздался все тот же неприятный звук. В палату вошла уже другая женщина и, тронув что-то на приборе у кровати, спросила:

– Что случилось? Тебе что-то нужно?

– Да, в туалет, – осторожно кивнул Александр, делая очередную попытку подняться.

– Лежи спокойно, – осадила его сестра милосердия.

Ловко подсунув ему «утку», она дождалась, когда парень справится с делом, и, поправив одеяло, вышла. Вскоре, вернувшись, она быстро умыла его и, еще раз спросив, не нужно ли чего, вышла. Сообразив, что у него появилась возможность осмотреться более тщательно, Александр осторожно повернул голову и всмотрелся в лицо человека, лежащего на соседней койке. Лицо парня, замотанного в бинты словно мумия, ему было незнакомо. Вздохнув, Александр повернул голову в другую сторону и едва не вскрикнул.

На другой койке лежал человек с обожженным лицом. Он уже видел такое несколько раз. Удивительно, как этот бедолага еще не отправился на встречу с Создателем. Боль от таких ожогов просто дикая. Туареги регулярно использовали зажигательную смесь на основе нефти,

уничтожая укрепления на территориях, которые считали своими. Где они брали нефть, не знал никто, но подобная смесь появлялась у них регулярно. Сообразив, что поговорить тут не с кем, Александр сосредоточил свое внимание на технике.

Все окружающие его предметы были сделаны удивительно красиво. Явно заводская работа. Все ровное, блестящее, словно только привезенное. Но если присмотреться, то становилось понятно, что этими предметами пользуются уже давно. Так и не поняв их назначения, Александр решил сосредоточиться на самом себе. Доктор говорил про контузию. Это сходилось с тем, что помнил он сам. Был пожар и сильный взрыв. Рванул пороховой склад.

Сунув руки под одеяло, он тщательно ощупал свой торс и, убедившись, что тело не пострадало, переключился на конечности. Ноги плохо, но слушались. Руки тоже. По всему выходило, что пострадала только голова. Удивленно хмыкнув, припомнив тот взрыв, Александр тщательно ощупал голову и, убедившись, что открытых ран нет, снова принялся осматриваться. Было во всем окружающем что-то, что не соответствовало тому, что он знал о военном госпитале и больницах вообще.

Слишком уж роскошно для обычного солдата. Поят, моют, умывают. Наверняка еще и кормить будут. И кто за все это будет платить? У самого Александра на счету только пара су. Все его богатство припрятано недалеко от казармы, на старом кладбище. Ну не верил он банкам и менялам. Получая и без того невеликое жалованье, он тут же обращал его в звонкую монету и большую часть уносил в свой тайник.

Служба в легионе имела одно неоспоримое преимущество. Не важно, что ты сделал до службы. Не важно, кто тебя искал и в чем обвиняет. Отслужив положенный срок, ты чист перед законом и можешь получить документы на любое понравившееся тебе имя. А дальше свободен как ветер. Ни один законник не сможет к тебе придраться. Так что Александру осталось служить не так много. Всего-то чуть больше двух лет. А потом он сможет уехать в метрополию и с накопленными деньгами выучиться на механика.

Это была его мечта. Стать механиком и научиться управлять автомобилем. Увлекшись мечтами, он не заметил, как в палату вошел вчерашний врач. Подойдя к кровати, он снова провел быстрый осмотр и удовлетворенно кивнув, проворчал:

– Физически все соответствует положению. Осталось выяснить, что у тебя с головой.

– А что у меня с головой? – не понял Александр.

– О! По-русски. Уже лучше. А еще раз на французском можешь? – улыбнулся врач.

– Что вы хотите услышать? – растерянно уточнил Александр.

– А вот это уже интересно, – послышалось от двери, и к кровати подошел высокий мужчина крепкого телосложения.

– Где вы слышали этот язык? – спросил он, внимательно наблюдая за парнем.

– Простите, мсье, но я на нем всю жизнь говорю, – слабо улыбнулся Александр.

– Вот как? Тогда расскажите о себе, – потребовал неизвестный.

– Мне нечего особо рассказывать, – вздохнул парень. – Родителей своих не помню. Вырос в приюте святой Бригитты с предместье Сен-Дени под Парижем. Зовут Александр Мерсье. Семнадцать полных лет. Подписывая контракт в Иностранный легион, накинул себе два года. Я был вынужден бежать. Убил главаря приспешников управляющего приютом. Случайно, но от каторги меня бы это не спасло. Потом служба в Алжире и Марокко. Контузия, очнулся здесь.

– Как по-вашему, который сейчас год? – дрогнувшим голосом спросил неизвестный.

– Одна тысяча восемьсот девяносто восьмой от Рождества Христова. Числа, извините, не скажу. Не знаю, сколько я тут провалялся, – смутился парень.

– Что происходит, товарищ майор? – спросил врач, заметив растерянность мужчины.

– Не увидел бы своими глазами, ни за что бы не поверил, – тряхнул мужчина головой. – Этот парень говорит, что родился сто лет назад в предместье Парижа. И кстати, говорит он

именно так, как говорили в то время. Я еще кое-что проверю, но думаю, личность, которую он назвал, действительно существовала.

– Это что? Переселение душ? – растерянно пролепетал врач.

– Да хрен его знает, как оно там называется, – фыркнул мужчина, направляясь к дверям.

– Мсье! – окликнул его Александр. – Что происходит? Где я? Какой сейчас год?

– Это Россия, сынок. А год тысяча девятьсот девяносто третий, – обернувшись, тихо ответил мужчина.

Охнув, Александр судорожно перекрестился и истерически рассмеявшись, потерял сознание.

* * *

Очнулся Сашка от резкого запаха. Хрипло застонав, он попытался отвернуться и застонал снова. На этот раз от боли в голове. Под черепом словно бильярдные шары перекатывались.

– О, очнулся, – послышался голос. – Напугал ты нас, парень. С чего это тебе вздумалось в обморок падать, словно графине при виде мыши?

– У доктора спроси, – еле слышно огрызнулся Сашка.

– О! Слышите, доктор? Опять этот странный язык, – послышалось в ответ.

«Мать твою! Что я там такого сказал-то?» – вяло подумал Сашка, пытаясь осознать, что вообще происходит.

Чьи-то руки принялись ловко обтирать ему лицо влажной тряпкой, от которой нестерпимо несло застарелой сыростью. Было не очень приятно, но слегка взбодрило. Осторожно приоткрыв глаза, Сашка вдруг понял, что повязка с лица и головы исчезла. Только на правой щеке появилось тянущее ощущение. Словно кто-то скотчем подтянул кожу. Он попытался коснуться лица рукой, но его крепко взяли за кисть, строго пояснив:

– Не нужно трогать рану. Ее смазали мазью.

– А что там, доктор? – поинтересовался Сашка, послушно опуская руку.

– Рассечено лицо. Тебя привезли, когда рана уже начала подсыхать, так что накладывать швы было бесполезно. В общем, украшением ты обзавелся не самым симпатичным, – пожал тот плечами, едва заметно смутившись.

– Скажите прямо, доктор, что с такой рожей лучше по темным улицам не шататься. За висельника примут, – жизнерадостно проворчал знакомый голос.

– Жак, ты бы лучше на свою рожу в зеркале полюбовался, – не остался Сашка в долгу. – И без шрама лопатой не отмашешься.

– Ага, уже начал шутить, – заметно повеселел врач. – Скажите, Александр, вы ведь выросли в приюте?

– Именно так, мсье.

– А родителей своих вы совсем не помните?

– Нет, мсье. Сколько себя помню, все время в приюте, – ответил Сашка, не понимая сути этих вопросов.

– Странно. Хотя кое-какие мысли у меня по этому поводу есть, – задумчиво протянул врач.

– А что произошло, мсье? Что я такого странного сделал, пока изображал покойника? – осторожно спросил парень.

– Вы бредили. И в этом не было бы ничего удивительного, если бы не делали это на русском языке. Я несколько раз сталкивался с русскими и запомнил несколько их выражений. Не уверен, что смогу воспроизвести их точно, язык у них сложный, но как они звучат, помню отлично.

– А я их вообще никогда не видел, – растерянно проворчал Сашка, судорожно прикидывая, как бы выкрутиться из сложившейся ситуации. – А вы как думаете, откуда это? Что вообще происходит, мсье? Почему я вдруг заговорил на другом языке?

– Моя теория заключается в том, что вы по происхождению русский. Отсюда и разговор на этом языке в бреду. Всплыли воспоминания раннего детства. Но, увы, точно я этого утверждать не могу, – вздохнул врач.

– А разве такое возможно? Ведь дети до определенного возраста ничего не помнят, – пролепетал Сашка, старательно изображая из себя недалекого вояку.

– Должен признать, что мы еще очень многого не знаем о работе человеческого мозга. Вот что. Вернуться в строй вы уже не сможете. Так что я немного вам помогу. Мой старый приятель содержит клинику для душевно больных и подобные случаи его очень интересуют. Я дам вам письмо для него. Вернетесь в Париж, отправитесь по адресу и отдадите ему письмо. Думаю, он сумеет вам помочь. А теперь расскажите мне, как вообще вы жили в приюте, кто был его управляющим и чем вы там занимались?

– Ну, а-а… э-э… – растерянно заблеял Сашка, напуская на себя испуганный вид. – Доктор, я не помню, – растерянно произнес он, подпуская в голос сиротскую слезу.

– Что, совсем? – врач тут же сделал стойку.

– Помню, как меня зовут. Помню, что всю жизнь прожил в приюте. Помню, что пришлось срочно бежать. И все, – в нескольких словах поведал Сашка свою историю.

– А почему вам пришлось бежать? – тут же последовал вопрос.

– Я сделал что-то плохое, – прохрипел парень, у которого от всей этой говорильни уже во рту пересохло.

– Что именно? – не унимался врач.

– Кажется, я с кем-то сильно подрался, – продолжал изображать амнезию Сашка.

– М-да, похоже, это и вправду задачка не по моим знаниям, – скривившись, проворчал врач и, поднявшись, добавил: – Ладно, будем считать, что вы все еще находитесь в процессе выздоровления. Две недели у нас с вами есть. Потом я буду вынужден отправить вас в метрополию. Занимать место в госпитале, когда идут тяжелые бои, мне никто не позволит. Так что в ваших же интересах побыстрее встать на ноги.

– Я постараюсь, мсье, – истово пообещал Сашка, чувствуя огромное желание сбежать из госпиталя прямо сейчас. Даже в таком состоянии.

Проводив врача взглядом, он осторожно повернул голову и, увидев с интересом наблюдающего за ним Жака, попросил:

– Дружище, дай воды, пожалуйста. В горле от всего этого пересохло, как в пустыне.

– Держи, – осторожно поднявшись, протянул ему кружку Жак.

Кряхтя, словно старый дед, Сашка сумел приподняться на локте и, осторожно осушив кружку до капли, с таким же кряхтением улегся обратно.

– На мне цветы не растут, Жак. Ты чего так уставился?

– Пытаюсь понять, кто ты, – с ухмылкой хмыкнул тот.

– Я бы и сам хотел это понимать, – буркнул Сашка, устраиваясь поудобнее.

– Ты и вправду русский? – не отставал Жак.

– Дружище, я понятия не имею, кто такие эти русские и как они выглядят. Говорил же, я всю жизнь в приюте прожил, – ответил парень с раздражением. Этот разговор начал его напрягать.

– Да ладно тебе. Мне-то ты можешь признаться, – продолжал настаивать Жак.

– В чем? В том, что ни черта о себе не помню? Можешь попросить у доктора мои бумаги. Там все написано.

– Неужели вообще ничего не помнишь?

– Только в общих чертах, – вздохнул Сашка. – И должен признаться, меня это крепко пугает.

– Думаешь, за тобой есть что-то, за что тебя могут потащить к судье? – тут же насторожился Жак.

– Плевать мне на судей, – отмахнулся Сашка. – Я честно служил, и не моя вина, что получил контузию. Это война, и на ней всякое бывает. Я не понимаю, что мне делать дальше.

– Ну, не все так плохо, приятель. Наш коновал решил принять в твоей жизни участие, так что, думаю, сумеешь пристроиться, – протянул Жак с заметной завистью.

– Возможно, возможно, – буркнул Сашка, погружаясь с собственные размышления.

Прежде всего нужно незаметно провести проверку организма. К его удивлению, на этот раз все было гораздо лучше. Похоже, полный покой при контузии был взят не с потолка. Во всяком случае, голова уже болела не так сильно. Само тело отзывалось на любое движение гораздо быстрее, а главное, что из пальцев пропал тремор. В прошлое пробуждение они тряслись, словно у завзятого алкоголика с бодуна.

Накрывшись до подмышек одеялом тонкого сукна, Сашка принялся старательно напрягать и расслаблять поочередно все мышцы тела, пытаясь реанимировать их. Вскоре он почувствовал, что начинает оживать. Кровь быстрее заструилась по жилам, и даже в голове прояснилось. Но вставать он пока не рискнул. Грохот за стенкой палатки (похоже, уронили какую-то тару навроде бочки) заставил его болезненно сморщиться. Неожиданный шум отдался болью в висках и звоном в ушах. Словно сковородой по затылку приложили.

Прикрыв глаза, он принялся вспоминать свое прошлое, пытаясь решить, как быть дальше. Ехать к приятелю врача, имевшего собственную клинику, он не собирался. Что ни говори, а он профессиональный психиатр и очень быстро поймет, что Сашка пытается водить его за нос. Оказаться в комнате с мягкими стенами ему вовсе не улыбалось. Особенно если он вдруг заявит, что каким-то образом перенесся из будущего. Точнее, перенеслось его сознание, эго, или хрен его маму знает, как оно там называется.

Выходит, нужно добраться до Европы и свалить куда подальше. Оставаться в Африке Сашка не собирался. Слишком большая разница менталитетов. Что говорить, если многие местные племена при виде одинокого белого начинают точить ножи и разводить костры под котлами. Людоедство тут процветает во многих местах. В лучшем случае просто прирежут ради пары старых сапог. Ну не любят тут белых. Не любят. И с этим ничего не поделаешь.

«Где родился, там и пригодился», – вспомнил Сашка старую поговорку, которую частенько повторял дворник в их приюте.

Дядя Сеня был человеком выпивающим, но при этом очень умным. А главное, он был отличным рассказчиком. Именно благодаря его влиянию Сашка старался держаться подальше от всех банд. Быть одиночкой всегда тяжело, но, если сделал выбор, иди до конца. Именно так твердил ему дядя Сеня, обучая нескольким необычным приемам рукопашного боя. Кем он был в молодости, Сашка так и не узнал, но однажды, забежав к нему в дворницкую, увидел старый чемодан, стоявший раскрытым на узкой солдатской койке.

Из всего содержимого в глаза Сашке бросился прозрачный пластиковый пакет, в котором лежала солидная горсть орденов и медалей. Спросить что-то Сашка не решился, а дядя Сеня, увидев парня, быстро захлопнул крышку чемодана. Потом парню стало не до вопросов. А вот теперь, вспомнив его, Сашка вдруг понял, что старик был прав. Где родился, там и пригодился. А родился он не в Париже. Точнее, тело-то, возможно, как раз там и родилось, а вот сознание, точнее, тот, кто сейчас это тело занимает, совсем нет.

Запутавшись в собственных сентенциях, Сашка плюнул на условности и сосредоточился на главном. Итак… Из Европы нужно валить. Куда? Само собой в Россию. Если в Европе контуженого солдата быстренько могут запихнуть в дурку, то там на странного француза, хорошо

говорящего по-русски, посмотрят в лучшем случае с жалостью. А то и просто махнут рукой, проворчав вслед одно слово – иностранец.

А если забиться в какой-нибудь медвежий угол, то и вовсе станешь местной достопримечательностью. И даже можно будет открыть какую-нибудь маленькую механическую мастерскую. А что? С техникой он всегда был на «ты», так что разобраться с местным примитивом труда не составит. Благо он всегда умел пользоваться головой, а не только есть в нее. Но для такого рода деятельности, требуются вложения. А попросту бабки. А судя по всему, у солдат в этом мире с деньгами сложно.

Тут в глазах у парня помутилось, и перед внутренним взором предстала странная картинка. Окраина старого кладбища, и он, прячущий под могильную плиту кожаный мешочек. Осторожно тряхнув головой, Сашка проморгался и, вздохнув, мысленно проворчал: «Видимо, мой сосед был не так прост. Это ведь он так нычку делал. Похоже, подыхать в этих песках он не собирался и тоже планировал устроить свою жизнь. Интересненько. Ладно. Будем решать проблемы по мере их поступления».

От размышлений его оторвал очередной вопрос Жака.

– Эй, приятель. Так ты решил, что собираешься делать, когда вернешься в метрополию?

– Сначала до нее добраться нужно, – отмахнулся парень, снова погружаясь в себя.

Итак, как любил говаривать дядя Сеня, сначала прими решение, а потом иди до конца. Но сначала сядь и как следует подумай. Если понимаешь, что чего-то не знаешь или не хватает информации, собери ее. Значит, начнем сначала. Что я знаю о России этого времени? А ни хрена. Помню только, что правил ею царь, страна называлась империей, и что через некоторое время начнется война с японцами. Выходит, ехать за Урал смысла нет. Да и холодно там.

В центральной России тоже все не просто. Там все всех знают, и полиция наверняка начнет присматривать за странным иностранцем. Мне оно надо? Нет. Такого счастья нам не надо. Средняя Азия вообще не вариант. Там сейчас, кажется, англичане заправляют. Остается Кавказ. Да, пожалуй, вариант. Горцы воевали всегда, но в города они не лезут. К тому же там тепло и с голоду не сдохнешь. Так и поступим. С этой мыслью Сашка неожиданно для себя уснул, словно провалился.

* * *

Проглотив очередную ложку супа, Александр вздохнул и мрачно покосился на лежащий перед ним кусок черного хлеба. Странный вид, странный вкус, но сытно. Во всяком случае, в этом госпитале кормят словно на убой. Хотя ему не хватало вина. Пусть кислого, теплого, но такого привычного. За годы службы в Африке он привык разводить воду вином и запивать любую еду этим дешевым пойлом.

Увы, спастись от дизентерии можно было только так. В общем, все не так плохо, как казалось вначале. Но теперь, когда он начал потихоньку вставать и даже умудрялся добраться до клозета, поражавшего его своей чистотой, парню предстояло решить, как быть дальше. Ничего иного, кроме как воевать, Александр просто не умел. Да, иногда в его ушибленной голове вплывали кое-какие странные воспоминания, но ему не к чему было их привязать.

Это были словно разрозненные картинки, которые он никак не мог уложить в одну полноценную мозаику. Да, было время, когда он мечтал стать механиком и управлять самобеглой коляской. Но те подростковые мечты давно уже канули в Лету. Прожив столько лет вдали от родины и постоянно занимаясь только одним делом, он начал забывать об этих мечтах. А самое главное, он вдруг неожиданно понял, что в этом мире все его познания не более чем потуги младенца сдвинуть гору.

Вспомнив свою реакцию на движущиеся картинки, подвешенные на стену, Александр покраснел, а аппетит окончательно испортился. В тот день он едва не обгадился с перепугу.

Крестясь и бормоча «Аве Мария», парень свалился с кровати и попытался выбежать в коридор. Включившая телевизор медсестра заставила его лечь обратно и вызвала врача, который и смог кое-как объяснить ему, что это такое. Смех стоял по всему этажу госпиталя.

Не смеялся только врач. Гладя его по голове, словно маленького, он сумел успокоить Александра, рассказав, что эти картинки всего лишь очередное чудо современной техники. Потом была встреча с еще несколькими врачами, после чего его перевели в другой корпус. Теперь им занимались другие люди, и с каждым днем Александр все больше приходил к выводу, что его принимают за умалишенного.

Когда же он потребовал выпустить его из госпиталя, убеждая всех, что нормально себя чувствует, пришедший в палату человек в военной форме странного покроя и вида заявил, что он, Александр, все еще является военнослужащим, дававшим присягу, и обязан выполнять все требования врачей. Сообразив, что так можно и до петли за дезертирство допрыгаться, парень притих, решив как следует изучить местные условия, чтобы однажды сбежать.

Провести остаток жизни в клинике с душевно больными он не собирался. Но словно прочтя его мысли, Александра заперли. Нет, это не была тюремная камера. Его никто не держал на цепи, но покинуть отведенную ему комнату Александр не мог. Мало того что дверь открывалась только снаружи, так еще за ним постоянно следили. Непонятно как, но в этом он был уверен. А самое неприятное, что просто поговорить он мог только с местным персоналом и только о том, о чем они сами желали говорить.

Покончив с едой, Александр отнес тарелки на столик у двери и, вернувшись на кровать, задумчиво уставился в окно. Неожиданно на парня навалилась тоска, и он, сам того не замечая, тихо заплакал. В этот момент ему до зубовного скрежета было жаль своей бестолковой, несчастной жизни. Ведь за свои не полные двадцать лет он ничего толком сделать так и не успел. Да, воевал. Да, служил родине. Но нужна ли его родине была эта служба?

От мрачных мыслей Александра отвлек тихий шелест открывающейся двери. Обернувшись, он увидел врача и медсестру, собиравшую грязную посуду. Увидев слезы на его щеках, врач присел на кровать рядом с парнем и, заглянув ему в глаза, тихо спросил:

– У тебя что-то болит?

– Нет.

– Тогда почему ты плачешь?

– Я хочу домой, доктор, – вздохнув, признался Александр.

– А где твой дом, Саша? – участливо уточнил врач.

– Не знаю. Приют в Сен-Дени, наверное, – пожал Александр плечами.

– И что бы ты стал делать, окажись вдруг там?

– Я сильный, доктор. Могу работать грузчиком. Могу быть слугой. Уж приказы я выполнять умею, – растерянно улыбнулся парень. – Даже могу служить в какой-нибудь охране. Сторожа всегда нужны.

– А потом? – не унимался врач.

– Не знаю. Нашел бы, чем заняться. Мне ведь еще нет и двадцати, доктор. А я ничего в жизни не видел. Только приют и армия.

– Господи, – послышалось от двери, и медсестра, брякнув собранными тарелками, испуганно выскочила в коридор, заметив возмущенный взгляд врача.

– А ты хотел бы иметь свою семью? – вернулся врач к беседе.

– Конечно. Я, правда, не знаю, как это, но очень бы хотел, – с жаром кивнул Александр и тут же скривился. От резкого движения сдавило виски. – Почему меня держат здесь? – решился он на вопрос, переждав приступ тупой боли.

– Понимаешь, Саша, мы не уверены, что тебя безопасно отпускать, – вздохнув, ответил врач. – Ты воевал. Умеешь убивать. И никто не знает, что ты сделаешь, если тебя кто-то обидит. Ты можешь быть опасен и для других, и для себя самого. Так что пока тебе лучше побыть

здесь. Так безопаснее и проще оказывать тебе помощь. К тому же нам очень интересно, как так получилось, что парень из двадцатого века вдруг стал носителем знаний солдата из века девятнадцатого.

– Дьявольским наущением или божьим соизволением, – буркнул в ответ Александр, насупившись.

Ему очень не понравилось, что его принимают за ненормального, который способен броситься в драку только за один косой взгляд. Да, он умеет убивать, и потому отлично осознает ценность человеческой жизни. Да, бывают моменты, когда, защищая себе или ближнего, приходится пускать кровь напавшему. Но ведь это только защита. А они не верят в его способность держать себя в руках.

– Ну-ну, не стоит так расстраиваться, Саша, – улыбнулся врач, похлопав его по плечу. – Все не так плохо, как тебе кажется. Побудешь немного здесь. Привыкнешь к нашим реалиям, а там, вполне возможно, и отправишься куда сам захочешь. Главное, не запирайся и честно отвечай на все вопросы наших специалистов. Поверь, это очень важно. Ведь кроме тебя, контузии получают и другие солдаты. И ты своим откровением сможешь помочь им.

– Мне нечего скрывать, доктор, – пожал Александр плечами, немного успокоившись.

– Пойдем в мой кабинет и там поговорим, – позвал врач, поднимаясь.

Александр покорно последовал за ним. Войдя в уже знакомый кабинет, он уселся в удобное широкое кресло и, качнувшись из стороны в сторону, не удержавшись, широко улыбнулся.

– Я смотрю, тебе нравится это кресло, – улыбнулся в ответ врач.

– Да, доктор. Оно очень удобное, – смущенно признался Александр.

– Вот и прекрасно. А теперь расскажи мне, как начиналась твоя служба. Только ничего не упускай. Называй все даты, имена, которые помнишь. Это очень важно.

– А разве это не является разглашением военных секретов? – тут же насторожился Александр.

– А разве я у тебя спрашиваю, какую цель вы преследовали в той войне? – моментально нашелся врач. – Разговор идет только о тебе самом. И то, что ты расскажешь, уже никак не сможет повредить твоей родине.

– Да. Вы правы. Я все время забываю, где нахожусь, – грустно вздохнул Александр. От его хорошего настроения не осталось и следа. – Знаете, но у меня все время такое ощущение, что я сплю и вижу сон. И мне все время хочется проснуться, но у меня ничего не получается.

– Понимаю, – кивнул врач, нажимая на какие-то кнопки странного прибора под названием компьютер. – Но чем быстрее ты примешь эту данность, тем легче тебе будет потом. А теперь ответь, пожалуйста, на мой вопрос.

– Хорошо, – обреченно вздохнул Александр и, немного подумав, начал рассказ.

Спустя два часа, когда он уже охрип от разговоров, врач закончил беседу и отвел его обратно в палату. Вернувшись в свой кабинет, он нашел в своем кабинете того самого майора, который говорил с парнем по-французски. Закончив прослушивать запись, офицер задумчиво потер ладонью подбородок и, посмотрев на врача долгим взглядом, тихо сказал, указывая взглядом на монитор:

– Как думаешь, это фантазии или просто бред?

– Для бреда все слишком логично. Понимаешь, любой психически больной человек способен рассуждать вполне здраво и логично, но только с одним условием. В самом начале своего рассуждения он делает бредовое допущение, а потом его развивает. Здесь же этого нет. Он уверенно называет имена и даты. Кстати, это я для тебя материал собирал.

– Знаю. Спасибо. И кстати, – усмехнувшись, поддел его майор. – Я проверил его прошлый рассказ. И знаешь, что выяснил?

– Делись, – потребовал врач, сгорая от любопытства.

– Александр Мерсье действительно существовал, и он погиб во время взрыва порохового склада в форте, построенном на границе пустыни. И многие названные им имена тоже там мелькают. Больше того, даже даты совпадают. Как тебе такое?

– А не мог он каким-то образом все это где-то прочесть? – подумав, спросил врач.

– Исключено, – решительно отрубил офицер. – Даже нам пришлось потратить кучу усилий и резервов, чтобы добыть эту информацию. А откуда у него такие связи?

– Может, какие-нибудь рассекреченные документы? На Западе сейчас модно вскрывать подобные вещи, – не сдавался врач.

– Нет. Это американцы такой ерундой занимаются. Французы старательно делают вид, что в их истории ничего такого не было. А эта история вообще нигде не всплывала. Я проверял.

– Интересно девки пляшут, – растерянно проворчал врач. – Выходит, и вправду переселение душ?

– С этим в церковь, – тут же открестился майор. – Меня он интересует только как твой пациент. Что там ваши светила пишут о подобных случаях? Было уже такое?

– Было. Но проверить информацию мы не можем. Все данные относятся ко временам мировых войн. Есть много левой информации, запущенной, чтобы привлечь внимание к собственной персоне. Но ничего конкретного, сплошная болтовня. В основном это попытки сделать себе имя на пустом месте. В общем, работы, похоже, предстоит море.

– Сам это затеял, – беззлобно поддел его офицер.

– Знаю, но похныкать-то можно, – усмехнулся врач.

– Похныкать можно. Но не долго, – ответил майор наставительным тоном. – Что собираешься делать дальше?

– Еще не решил. Смотреть надо. Думать.

– Считаешь, он может быть опасен?

– Вполне возможно. Не забывай, он привык воспринимать законы через призму своего времени. А теперь представь, что будет, если его прижмут в темном переулке какие-нибудь гопники. Да вы сотни складывать устанете. Что ни говори, а парень действительно воевал. Ты сам сказал, что такая личность существовала.

– Думаешь, он настолько крут? – иронично хмыкнул майор.

– Насчет крутизны не скажу, а вот моторика его тела говорит о многом, – злорадно усмехнулся врач. – А еще ты забываешь, что прежний владелец этого тела тоже не рохлей был. Выжил в приюте. В роте считался одним из самых опытных бойцов. В общем, тот еще подарочек.

– А вот это идея, – неожиданно улыбнулся майор. – Как долго он еще будет головными болями маяться?

– Трудно сказать. Ты чего задумал? – насторожился врач.

– Хочу провести с ним небольшой спарринг. Посмотрим, чему их там учили в белых кепках, и так ли ты прав, опасаясь массовых побоищ.

– А надо ли? – с сомнением протянул врач. – Вдруг сорвется?

– Не страшно. Оденешь в халатик с длинными рукавами, и все дела, – отмахнулся майор. – Должны же мы понимать, врет он, или это действительно сознание иностранного солдата в чужом теле. Ты хоть представляешь, что будет, если мы сумеем понять механику этого дела?

– Твою мать! – схватился врач за голову.

* * *

Сделав пятидесятое отжимание, Сашка одним прыжком поднялся на ноги и, глубоко вздохнув, утер выступивший пот со лба тыльной стороной ладони. Тело медленно, но верно приходило в норму. А вот с головой то и дело возникали проблемы. Резкие головные боли выводили его из строя на пару дней. После приступа он даже шевелился словно со скрипом, а

в голове то и дело вспыхивали разноцветные звездочки. Любое, даже самое плавное движение вызывало гул и звон в ушах. А самое неприятное, что начинались они резко, без всяких предпосылок. Достаточно было одного громкого звука или нервной обстановки.

Хотя в данной ситуации нервной она была для парня постоянной. В такие моменты с ним мог бы справиться даже ребенок. Но в нормальном состоянии Сашка уже представлял собой серьезную боевую единицу, хотя продолжал тщательно это скрывать. От всех подозрений со стороны врача и соседа по палатке его спас очередной приступ. Отойдя за лагерь, Сашка попытался проделать хоть один комплекс упражнений и, свалившись, пролежал под глиняным забором до самого вечера.

Провалявшись в постели после приступа почти неделю, первое, что он увидел, была удивленно-задумчивая физиономия Жака. Увидев, что парень очнулся, однорукий прохиндей оживился и попытался завязать разговор, но Сашка только отмахнулся от него, словно от мухи. Ему было не до разговоров. Требовалось срочно осознать все произошедшее. А главное, найти выход из ситуации. Жить и постоянно бояться, что в любой момент можешь свалиться с ног, не самая приятная перспектива.

Погрузившись в собственные размышления, Сашка не заметил, как Жак выскользнул из палатки. Вызванный им врач провел быстрый осмотр парня и, убедившись, что помирать Сашка не собирается, принялся ему выговаривать за чрезмерные перегрузки. Быстренько скроив покаянную морду, Сашка смущенно развел руками, пояснив, что просто хотел прогуляться и побыть один. Ведь ему еще предстоит решить, чем заниматься дальше. А для этого нужно вспомнить хоть что-то.

Понимающе покивав, врач заверил его, что приятель, к которому он хочет Сашку отправить, обязательно решит эти проблемы. Вежливо поблагодарив его, парень про себя хмыкнул: «Угу, свежо питание, да серится с трудом. Так он и станет заморачиваться с моими трудностями. Запрет в камере, и будешь до конца жизни на луну выть. Нет уж, дружок. Ты меня главное отсюда выпиши и к пароходу с обозом отправь, а дальше я и сам как-нибудь управлюсь. Но перед этим надо до кладбища добраться. Деньги мне теперь очень даже нужны будут».

Врач ушел, а Жак, словно прочтя его мысли, подсел на кровать и, понизив голос до шепота, спросил:

– Ты и вправду собираешься ехать к тому психиатру?

– А что? Ты что-то знаешь? – насторожился Сашка.

– Я только догадываюсь, но ты не ответил, что собираешься делать?

– А ты хочешь что-то предложить? – ответил Сашка, внутренне злорадно усмехаясь. Вести разговор в таком ключе он мог часами. Приютская школа это вам не фунт изюму.

– Ох, и трудно же с тобой, – скривился Жак. – В общем, ходят слухи, что этот его приятель та еще скотина. Запирает всех в своей клинике и ставит на людях всякие научные опыты. В общем, я вот что думаю. Нам с тобой нужно вместе держаться. Я тут поговорил кое с кем, так парни считают, что на первое время тебе денег должно хватить. У меня тоже кое-какой запас есть. Правда, не здесь. В полку припрятал.

– Я тоже припрятал, – вздохнул Сашка. – Вот только никак не могу вспомнить, где именно, – закончил он, подпустив в голос слезу.

– Да как же так?! – возмущению Жака не было предела.

– А то ты не знаешь, что со мной, было, – огрызнулся Сашка. – Думаешь, я к стене погулять ходил? Я вспомнить пытался, куда деньги дел.

– И как? – жадно спросил Жак.

– А тебе не видно? – фыркнул парень. – Напрягался так, что чуть последние мозги из ушей не полезли. И все впустую. А потом вообще сознание потерял, хотя и специально в тени сидел.

– Это плохо, приятель, – мрачно вздохнул Жак. – Это очень плохо.

– А тебе-то что за печаль? – не удержавшись, спросил прямо Сашка. – Насколько мне известно, у тебя все дома в порядке. Во всяком случае, есть куда вернуться.

– В деревню? Ты смеешься? – возмутился Жак. – Да я там с тоски через неделю взвою. Да и какой из меня теперь работник, с одной рукой.

– Ну, тебе теперь пенсия положена, как герою войны, – пожал Сашка плечами. – Это вот со мной все гораздо сложнее. Руки-ноги на месте, значит, могу сам себя обеспечить. А то, что голова болит, так это не важно. И попробуй докажи нашим бюрократам, что без головы никакие руки не помогут.

– Что, могут и отказать? – насторожился Жак.

– Они все могут. Главное, причину найти, – вздохнул парень.

– Странно, ты рассказывал, что приютский, а говоришь так, словно Сорбонну закончил, – вдруг проворчал Жак, задумчиво поглядывая на него.

– Наш кюре все время повторял, что если мы хотим чего-то в жизни добиться, то должны много знать и уметь. А чтобы знать, нужно читать книги.

– И что? – не понял Жак.

– Вот и подсовывал нам книжки всякие, а потом еще и проверял, как прочел. Вопросы всякие задавал. В основном, конечно, религиозные, но и другие тоже бывали. Большого ума человек был, – вздохнул Сашка, краем глаза наблюдая за собеседником.

– А почему был? – тут же последовал вопрос.

– Он уже тогда старенький был. Помер уже, наверно.

– А ты ему писал?

– Зачем? – откровенно удивился Сашка.

– Ну, получать письма всегда приятно. Я даже папаше своему, будь он неладен, и то писал. Лишь бы ответ получить. Все легче, когда знаешь, что ты не один на свете, – усмехнулся Жак и тут же поперхнулся, сообразив, что только что ляпнул. – Извини. Не хотел тебя задеть.

– Ничего. Мне все равно тебя не понять, – отмахнулся Сашка. – Ладно. Ты ступай пока, а я посплю немного. Может, полегчает.

– Ага, давай. На ужин я тебя разбужу, – закивал Жак и, подхватившись, унесся из палатки.

«Похоже, побежал доктору стучать, – подумал Сашка, глядя ему вслед. – И в напарники ты меня не так просто зовешь. Вон как огорчился, когда услышал, что я забыл, где деньги лежат. Нет, приятель. Нам не по пути».

С этого дня Сашка, делая вид, что все время думает о своем прошлом, начал все больше отдаляться от однорукого пройдохи. Терпеть рядом стукача ему совсем не хотелось. Значит, ему еще предстояло найти способ избавиться от этого попутчика. Но до метрополии сделать это будет проблематично. А вот когда они пройдут все надлежащие бюрократические процедуры и станут полноправными гражданами республики, возможны всякие варианты. Вплоть до летального исхода.

К удивлению Сашки, мысль об убийстве бывшего сослуживца его не коробила. В сложившейся ситуации это был, прежде всего, враг. Просто потому, что он мог помешать его планам. В том, что из Европы нужно убираться, парень даже не сомневался. Здесь он будет контуженым инвалидом, от которого непонятно чего ожидать, а там просто эксцентричным иностранцем, которого и пожалеть не грех. Махнут рукой вслед и дальше по своим делам пойдут.

Отлежавшись после того приступа, Сашка с упрямством обреченного принялся приводить свое тело в порядок. Очень скоро в глазах перестало темнеть от малейшей физической нагрузки и мышцы стали наливаться силой и приобретать внушительный объем. Костяк ему достался крепкий. Осталось только с толком мяса нарастить. Припоминая все, что успел выучить у дяди Сени по поводу тренировок, он регулярно уходил подальше от людских глаз

и тренировался. До седьмого пота, до зеленых чертей в глазах, но делая все, чтобы привести себя в порядок.

Эта фанатичность была не приобретенной. Сашка с самого детства терпеть не мог чувствовать себя слабым. Потому и дрался со всеми подряд. Даже с теми, кто был гораздо старше и сильнее. А в драке не признавал никаких правил. Полез – получи. Оскорбил – отвечай. Эти нехитрые принципы Сашка вывел для себя сам и старался придерживаться всю сознательную жизнь. Не лезь первым, но отвечай так, чтоб на всю жизнь запомнили. Жак несколько раз пытался увязаться за ним, но парень резко осаживал его, отвечая, что однорукий будет отвлекать его своими разговорами.

Врач, заметивший внешние изменения в парне, принялся задавать ему вопросы, на что Сашка, уже успевший продумать линию поведения, решительно заявил, что в прежнем виде просто не перенес бы дорогу до метрополии. Да и думается ему гораздо легче, когда тело занято чем-то. Врач, удивленно хмыкнув, несколько минут задумчиво расхаживал по палатке, еле слышно бурча себе под нос:

– Возможно, возможно. Привычка к действию, выработанная службой.

– Вот-вот, мсье, – тут же поддакнул Сашка. – Я ж из приюта сразу в армию, а тут без дела сидеть нельзя. А пока приказ выполняешь, голова о чем только ни подумает.

– Это да, – неожиданно поддержал его Жак. – Руками дерьмо выгребаешь, а в мечтах на Монмартре кофе пьешь с круассанами.

– Ну, хорошо, – прияв решение, решительно заявил врач. – Я считаю, что ты, Александр, прав. Крепкое тело тебе действительно потребуется. Впереди долгая дорога, а тебе еще нужно найти себе достойное занятие. Только постарайся не попадаться на глаза полковнику. Иначе плакало твое увольнение. И плевать ему на твои приступы и больную голову.

– А когда нас отправят отсюда? – осторожно поинтересовался парень.

– Думаю, через две недели. Обоз уже начали формировать. Твои документы готовы. Письмо своему другу я написал. Так что, как только закончат с формировкой, будет объявлен выезд.

– Мсье, а можно узнать, где остались мои вещи? Главное, мой ранец, – задал Сашка следующий вопрос.

– За это не беспокойся, – махнул врач рукой. – Его привезли вместе с тобой. Там все кровью залито, так что никто к нему и не прикасался. Можешь забрать прямо сейчас.

– Это было бы просто замечательно, мсье, – радостно закивал парень. – Мне ведь еще предстоит с тыловыми службами бодаться за полученное обмундирование. А ранец едва ли самая его дорогая часть.

– Я прикажу, чтобы тебе выдали все, что с тебя сняли, – понимающе усмехнулся врач. – Можешь забрать и потихоньку приводить в порядок.

– Большое спасибо, мсье, – Сашка постарался вложить в голос как можно больше сердечности.

– Впрочем, не думаю, что есть смысл терять время. Пойдем. Я сам тебя провожу, – окончательно растаяв, явил врач очередную милость. – И ты, Жак, тоже за нами ступай. Думаю, Александр не откажет тебе в помощи. Надоело видеть ваш затрапезный вид.

– Конечно, мсье, – поспешил заверить его Сашка.

Они добрели до складской палатки, и пожилой фельдфебель, получив прямое указание, с едва слышным ворчанием принялся рыться в залежах различного барахла. Сашка, незаметно проскользнув следом за ним, уже через минуту заметил свой ранец и, выдернув его из кучи, просто ткнул пальцем в именную табличку из куска светлой кожи, пришитую к клапану. Потом нашлась и его форма.

Мрачно оглядев эти руины, Сашка вздохнул и, мысленно скривившись, проворчал про себя: «М-да, одной стиркой тут не обойтись. Придется швеей поработать».

Мундир мало того что был вымазан рыжей пустынной пылью, так еще и зиял кучей прорех. С сапогами все оказалось гораздо лучше. Их требовалось только как следует почистить и размять. Хранить обувь правильно здесь никто и не собирался. Жак получил обратно свои вещи, и сослуживцы поплелись обратно. Следующие три дня были заняты заботами о внешнем виде. Пожаловавший с очередной инспекцией полковник Жофрей, увидев их с формой в руках, было обрадовался, но услышав, что это готовящиеся к отправке списанные инвалиды, мрачно сплюнул.

Единственное, что спасло доктора от разноса, это его ответ, что отправлять в метрополию калечных оборванцев, значит, опозорить армию, немного успокоил полковника. С этого дня Сашка стал считать дни до отправления сначала в полк, а потом и в порт. К его удивлению, а полк их отправили уже через пять дней. Как оказалось, на этом настоял Мясник Жофрей, которому надоело путаться в списанных и выздоравливающих солдатах.

Там, поселившись в пустующей казарме, они провели остаток времени до отправки в порт, заодно и не спеша оформив все бумаги на увольнение. Успел Сашка сбегать и к своему тайнику. Там нашелся крепкий кожаный мешочек, в котором парень обнаружил полторы сотни серебряных динаров, два золотых и горсточку медных дирхемов. Там же нашелся и кинжал, снятый им с помощника эмира. Изогнутый клинок дамасской стали напоминал клык зверя и имел полуторную заточку.

К нему были и роскошные серебряные ножны, украшенные перламутром и янтарем. Настоящее произведение искусства. Спрятав свои богатства на дне ранца, Сашка уложил полученные документы в шелковый мешочек, который повесил себе на шею. Теперь отнять их у него можно было только с головой. А еще через неделю, как врач и обещал, их обоз отправился в порт.

* * *

Александр не спеша поднялся с кровати и, пройдясь по комнате, направился к окну. Глядя в вечернее небо, он в очередной раз задался ставшим уже привычным вопросом – как это могло случиться? Едва его тело немного восстановилось, как он потребовал проводить его в церковь. Будучи воспитанным в католических правилах, он считал своим долгом возблагодарить Господа за спасение своей жизни.

Занимавшийся его лечением доктор, услышав это требование, за голову схватился. Мало того что этому странному парню нужна церковь, так ему еще и католическую подавай. В очередной раз связавшись с куратором, он поведал майору о возникшей проблеме. Внимательно его выслушав, майор удивленно хмыкнул и, подумав, пообещал решить вопрос. И вот теперь, сидя в кабинете врача, он отслеживал перемещения странного пациента, настороженно барабаня пальцами по столешнице.

Будучи человеком сугубо прагматичным, майор в мистику не верил, а то, что случилось с этим парнем, воспринимал как странный казус. Если не сказать грубее. Однако отказать ему в серьезной правдоподобности он тоже не мог. Как ни крути, а говорил парень именно на том языке, которым пользовались во Франции в конце позапрошлого века. Даже словесные обороты совпадали. И заявить, что парень прикидывается, майор не мог. Уж больно все соответствовало рассказанному.

Ведь в предоставленных ему документах, имевших гриф секретности, имя Александра Мерсье действительно фигурировало. И было ясно указано, что погиб он при взрыве порохового склада, как и весь его взвод. Возникает вопрос: откуда приютский сирота, всю сознательную жизнь учивший кое-как немецкий язык, вдруг выучил французский и узнал о существовании такого незначительного персонажа?

И ведь какое странное совпадение. Тот Александр – и этот Александр. Тот сирота. И этот приютский. Тот погиб, отбивая атаку, и этого накрыло в бою. Вот и не верь после этого в потусторонние силы. Верь он в мистику, решил бы, что между этими двумя есть какая-то связь. Майор в очередной раз задумчиво хмыкнул и, вздохнув, отключил монитор. Поднявшись из-за стола, он вышел в коридор и, увидев врача, жестом указал ему на дверь кабинета.

– Как думаешь, он может симулировать все это? – спросил майор, едва врач вошел.

– Ты ему кюре нашел? – спросил врач вместо ответа.

– Решил веру сменить? – усмехнулся майор. – Чего это ты вопросом на вопрос отвечаешь?

– А самому подумать? – вяло огрызнулся уставший врач. – Ты же все эти премудрости религиозные лучше любого попа знаешь. Вот и посмотри, как он на службе стоять будет. Или как там оно у них называется.

– Логично, – подумав, кивнул майор. – Не зная канонов, легко проколоться. Ладно. Завтра будет ему кюре.

– Из ваших? – криво усмехнулся врач.

– Зачем? Настоящий, – пожал майор плечами. – Со всем атрибутами. Если уж играть в эту игру, то по всем правилам. Но ты на мой вопрос не ответил.

– Понимаешь, я бы мог сказать, что он изображает амнезию, если бы он с самого начала начал изображать потерю памяти. Но он этого не делает. Парень и вправду многого не знает. Вспомни, как он оглаживал пальцами кювету из обычной нержавейки и все восторгался точностью литья. Это не сыграешь.

– Похоже. Похоже, – задумчиво протянул майор. – У меня в голове не укладывается, как такое может быть. И вообще, я пока не понимаю, под каким соусом все это подавать начальству. Нужно хоть как-то это все обосновать. И тут тебе и карты в руки.

– Издеваешься? – возмутился врач. – Да я и понятия не имею, как все это обосновать. Механики подобного нет ни в одном учебнике. Психиатрия, это тебе не баллистика. Тут формулами ничего не выяснишь.

– И что ты предлагаешь? – хмыкнул майор. – Просто списать его и отправить в ближайшую психушку?

– Щаз-з, – огрызнулся врач. – И отдать такой экземпляр в чужие руки? Это же готовая докторская. Изучать его стану.

– Сам?

– Ну, ты же помогать не хочешь.

– Врешь. Я не говорил, что не хочу. Я сказал, что для такого дела мне нужно толковое обоснование, – отрезал офицер.

– А того, что ты уже имеешь, тебе мало? – возмутился врач. – Ну, сам вспомни. Язык. Манера говорить. Знание фактов, о которых большая часть жителей страны даже не слышала. Точное описание мест и предметов того времени. Мало?

– Это все, конечно, интересно, но мало, – развел майор руками. – Понимаешь, я должен выложить начальству такие аргументы, которые заставят его не просто отдать парня нам, а дадут разрешение на полное его изучение. Полное. Понимаешь?

– Что ты имеешь в виду? – насторожился врач.

– То, что сказал, – пожал майор плечами.

– И что делать? – помолчав, уточнил врач.

– Собирай материал. Фиксируй его реакции на все новое. Говори с ним. Уточняй каждую мелочь. В конце концов, бабу ему найди.

– Зачем? – не понял врач, погрузившись в размышления.

– Ты издеваешься? – фыркнул майор.

– А, ну да, – сообразил врач. – И что? Все это снимать?

– Обязательно, – кивнул майор. – Кстати. Он у тебя что-то еще кроме похода в церковь просил? Ну там, книги, вещи, еще что-то?

– Ничего такого, – качнул врач головой.

– А почему?

– Не знаю. Да и не до него мне особо. Сам знаешь, госпиталь забит. Работы выше головы. А тут еще его приходится в отдельном боксе держать.

– Понимаю, но избавляться от него ты сам не желаешь, – поддел майор собеседника.

– Я хочу, чтобы твоя служба как следует разобралась с этим случаем. Сам понимаешь, случай уникальный. Одно совершенное владение языком, которого он никогда не учил, чего стоит.

– Тут согласен, – нехотя кивнул майор. – Ладно. Занимайся своими делами, а я пойду, попробую с ним побеседовать, – закруглил он разговор, поднимаясь.

Быстро пройдя длинными коридорами до нужного бокса, майор вежливо постучал в дверь и, приложив к считывателю личную карту, повернул ручку.

– Добрый день, Александр, – поздоровался он, остановившись на пороге.

– Добрый день, мсье, – улыбнулся парень одними губами.

– Как себя чувствуешь?

– Неплохо. Мсье, я просил отвести меня в церковь, но до сих пор не получил ответа на свою просьбу, – взволнованно высказался Александр.

– Не беспокойся. Этот вопрос решается. Просто все дело в том, что ты находишься в православной стране. Католические храмы у нас есть, но ты не простой человек, и мы должны быть уверены, что твое появление там не вызовет ненужных кривотолков.

– Не понимаю, о чем вы, мсье, – растерялся парень.

– Я попробую объяснить, – успокоил его майор. – Понимаешь, ты сам сказал, что оказался в этом мире случайно. Как это случилось, вопрос второй, и решать его будем не мы и не здесь. Но твоя реакция на то, что ты увидишь за стенами госпиталя, сразу выдаст тебя с головой и привлечет внимание. Ты же не хочешь, чтобы тебе начали задавать ненужные вопросы. К тому же у тебя нет на них прямых ответов. Или есть? – тут майор вонзил в парня настороженный, жесткий взгляд.

– Увы, мсье, – спокойно выдержав этот взгляд, качнул парень головой. – Я и сам ничего не понимаю. Если моя душа оказалась здесь, то куда делась душа моего предшественника? И почему я имею возможность пользоваться его знанием вашего языка? Ведь в той жизни я никогда не знал русского и даже русских не видел.

– Хороший вопрос, – одобрительно кивнул майор. – Очень хороший. Ты оказался здесь. А он? Там? В твоем теле? Или просто погиб? Тогда как случилось, что твоя душа получила это тело через сто лет?

– Я не знаю, мсье, – растерянно вздохнул Александр. – Я потому и просил отвести меня в церковь. Может быть, молитва заблудшего будет услышана, и Господь решит вернуть все назад. Я не хочу жить в вашем мире.

– Почему? – тут же последовал вопрос. – Он тебе не нравится?

– Он пугает меня, – честно признался парень. – Но еще больше меня пугает то, что случилось. Я не понимаю, как реагировать. Не знаю, что мне делать.

– А чем ты бы вообще хотел заниматься? – неожиданно спросил майор.

– До службы я мечтал быть механиком, – грустно улыбнулся парень.

– Но ведь тебя пугает наша техника, – удивился майор.

– Она другая, – смущенно пояснил Александр. – Наша техника гораздо проще, а главное, привычнее. Скажите, мсье. Я вообще смогу выйти отсюда? – вдруг задал он прямой вопрос.

– Сложно сказать, приятель, – вздохнул майор, пряча глаза. – Ты задал нам такую задачку, что я уже ни в чем не уверен.

– Если бы это зависело от меня, – махнул парень рукой.

– Понимаю. Но и ты нас пойми. Представь. Служит в армии простой паренек, который ничем особо не выделяется. Кстати, тоже, как и ты, сирота. И вот однажды он, как и ты, вдруг попадает под взрыв. Ты попал под взрыв склада, а он под взрыв гранаты. И вдруг, очнувшись, он начинает говорить на языке, которого никогда не знал, и называет такие факты, о которых никогда не слышал. И как мы должны это воспринимать? Что мы должны думать?

– Действительно, странная ситуация, – растерянно усмехнулся Александр. – Кажется, в шахматах есть название, когда две фигуры меняются местами.

– Рокировка, – кивнул майор. – Меняют короля и ладью. Умеешь играть в шахматы?

– Слабо, – смутился парень. – В Африке начал играть. Там иногда бывают моменты, когда заняться нечем, а из развлечений только шахматы и местная игра, нарды.

– А ведь твой термин очень даже подходит к твоей ситуации, – подумав, улыбнулся майор. – Знать бы точно, что наш парень оказался в твоем теле, и тогда все было бы гораздо интереснее.

– Чем же, мсье? – не понял Александр.

– Тогда мы могли бы точно установить все критерии такой рокировки. Время, сила взрыва, расстояние. В общем, много чего. Но как рабочее название вполне сгодится.

– Для чего именно, мсье? – заинтересовался парень.

– Не важно, – отмахнулся майор. – Главное, ты держи себя в руках и помни, мы постараемся сделать все, чтобы разобраться с этой ситуацией.

– Думаете, у вас получится вернуть меня обратно? – удивился Александр, явно не веря в подобное.

– Об этом я даже не думал, – честно признался офицер. – Но подготовить тебя к жизни в наших реалиях должно получиться.

– А зачем? – неожиданно спросил парень, грустно улыбаясь.

– Ну, приятель, ты же верующий, – развел майор руками. – Господь дал тебе жизнь, и значит, ты должен ее прожить от начала и до конца. Ровно столько, сколько он тебе отпустил. Или я в чем-то ошибаюсь?

– На первый взгляд, вы правы, мсье. Но откуда вы можете знать, что вся эта ситуация создана именно Всевышним, а не его антиподом? – иронично хмыкнул Александр, повергая офицера в некоторое замешательство.

* * *

То, что в полку гордо именовали портом, оказалось кучкой деревянных пристаней, к которым с грехом пополам приставали самые разные суда. Сашка, выбравшись из повозки, сумел рассмотреть с десяток самых разнокалиберных судов, суденышек и просто скорлупок. С первого взгляда было ясно, что этим пользуются местные рыбаки. Чуть дальше по пирсу, где глубина была побольше, стоял пришвартованный пароход. На фоне всего остального он казался вершиной технологичности.

Хмыкнув про себя, Сашка закинул ранец на плечи и решительно зашагал к трапу. Возницы, дождавшись, когда местные кули освободят пирс, направили свои фургоны следом. Увидев у трапа дежурного капрала, Сашка поправил кепи и, подойдя, отдал ему честь.

– Приказано передать капитану корабля, – пояснил он, протягивая капралу документы.

– Ты командуешь сопровождением? – уточнил капрал, забирая бумаги.

– Нет, мсье. Мне было приказано только передать документы. Я больше не на службе. Списан после тяжелой контузии, – вздохнул парень.

– Погоди. Это ты тот выживший в форте после взрыва порохового склада? – оживился капрал.

– Так точно, мсье.

– Да уж. Повезло тебе, парень, – покачал капрал головой. – Ладно. Поднимайся на борт. С тобой есть еще кто-то?

– Да. В фургоне однорукий инвалид. Зовут Жак. Болтун каких мало, так что вы ему особо воли не давайте, – посоветовал Сашка, мстительно усмехаясь про себя.

– Не волнуйся, – понимающе усмехнулся капрал. – Нам тут не до разговоров. Нужно быстро перегрузить то, что вы привезли, и отправить это корыто в путь.

– Не очень-то вы ласково об этом красавце, – усмехнулся Сашка, вставая на трап.

– Это здесь он красавец, а в метрополии старое корыто, – отмахнулся капрал. – Всё, приятель. Ступай. Нужно делом заняться.

– Так точно, мсье, – кивнул Сашка и поспешил на борт.

Встретивший его боцман даже не стал смотреть его бумаги, отмахнувшись, он с ходу заявил, что раз уж капрал у трапа пропустил, то и говорить не о чем. И что все пассажиры могут устраиваться там, где сами найдут. И что у них не пассажирский корабль, а обычный трудяга сухогруз. Не ожидавший такого захода Сашка даже растерялся. Но все оказалось не так плохо. На палубе, у ходовой рубки, был натянут тент, под которым матросы бросили несколько пробковых матрацев.

Выбрав самый на вид чистый, Сашка уселся и первым делом стянул сапоги. Достав из ранца купленные на рынке чувяки, он стянул с себя куртку и, с облегчением переведя дух, проворчал, глядя на подходящего Жака:

– Устраивайся, старина. И снимай сапоги. Думал, пока доедем, сварюсь в этом мундире.

– Да уж, жарко сегодня, – кивнул Жак, отдуваясь. – Ты не узнавал, когда тут обед?

– Не до того было. Да и чего лишние вопросы задавать? Позовут, когда время придет, – отмахнулся Сашка, поудобнее устраиваясь на матраце.

– Ты никак опять спать собрался, – удивился Жак.

– А что еще делать? – не понял Сашка. – Впрочем, можешь вспомнить несколько строевых приемов, если хочешь.

– Пожалуй, ты прав, – фыркнув, словно простуженная лошадь, усмехнулся Жак и так же растянулся на своем матраце.

Спустя пару минут Сашка действительно уснул и неожиданно для себя увидел странный сон. Он шел по тому самому кладбищу, где хранил свои невеликие богатства, но в этот раз, вместо редких посетителей, там были только вороны. Неожиданно за спиной парня послышался тихий шорох, и он, оглянувшись, увидел фигуру старика, сидящего на камне. В руке старик сжимал короткий посох. Все остальное было невозможно рассмотреть. Черный шелковый плащ укутывал его фигуру, а голову и лицо закрывала шелковая же куфия.

– Здравствуй, Искандер, – прошелестел старик еле слышно.

– Здравствуйте, мастер, – запинаясь, ответил Сашка, одновременно теряясь в догадках и понимая, что откуда-то знает этого старика.

– Ты растерян. Что с тобой случилось? – последовал вопрос.

– Меня сильно контузило, и я почти ничего не помню, – выдал Сашка уже ставшую привычной версию.

– Это правда. Но не вся, – помолчав, ответил старик. – Есть еще что-то.

«Была не была», – подумал парень и, решив рискнуть, признался:

– Мое сознание, мой дух, не знаю, как назвать это правильно, не из этого времени. Это не мое тело.

– Да. Вижу. Но ты все еще помнишь то, чему я тебя учил. Я вижу, как ты движешься.

– Я учился у вас? Чему? – не удержавшись, спросил парень. – Поймите, мастер. Я ничего не помню. Скажите. Для меня это важно.

– Возьми, – скомандовал старик, протягивая ему посох вместо ответа. – Начни танец, которому учился.

Не понимая, что все это значит, Сашка покорно взял протянутый посох и, перехватив его, словно оружие, растерянно покосился на старика.

– Не думай. Делай, – прозвучал приказ, и тело парня начало двигаться.

Высушенный до звона деревянный посох со свистом рассекал воздух, а в голове Сашки вдруг зазвучал странный мотив. Что это за музыка, он даже не пытался угадать. Не до того было. Его сознание словно отключилось, наблюдая за телом со стороны. Сколько это продлилось, Сашка не знал, но вдру музыка оборвалась, и он замер в странной позе, с вытянутым в сторону посохом в руке.

– Ты помнишь, – прозвучал удовлетворенный голос. – Повторяй этот танец каждый день, и придет время, когда ты сам все вспомнишь.

Сашка протянул посох старику и вдруг понял, что его фигура медленно растворяется в воздухе.

– Помни, – снова зазвучал голос старика. – Ученик ученика сможет победить ученика мастера только в том случае, если Всевышний одарит его огромным талантом, и он сможет заставить себя отдать искусству всю свою жизнь.

– Как вас зовут, мастер? – успел спросить Сашка до того, как фигура старика бесследно исчезла.

– У безликого нет имени, – прошелестело в ответ, и все пропало, словно никогда и не было.

Вскрикнув, Сашка резко сел, оглядываясь вокруг и пытаясь понять, где он и что происходит.

Льняная рубашка, в которой он уснул, была мокрой насквозь, словно его водой из ведра окатили. Утирая с лица крупные капли пота, парень краем сознания отметил, как дрожат пальцы.

– Что, приятель, кошмар приснился? – сочувственно уточнил Жак, не сводя с него внимательного, настороженного взгляда.

– Я что-то говорил? – повернулся парень к нему.

– Нет. Только стонал и задыхался, – мотнул Жак головой с таким видом, словно был обманут в лучших мечтах.

– Мог бы и разбудить, – вяло упрекнул его Сашка. – Видишь же, что плохо.

– Угу, и получить по морде? – иронично фыркнул Жак. – Я еще не забыл, как ты в бреду руками махал. Нет уж. Ты сам как-нибудь.

Их разговор прервал вахтенный матрос, появившийся из-за кучи каких-то ящиков, уложенных стопами на палубе.

– Поднимайте свои задницы и идите за мной. Кок сказал, что не станет ждать весь вечер.

Подхватившись, оба инвалида поспешили на камбуз. Получив по миске какой-то каши, куску хлеба и кружке с бурдой, случайно называемой кофе, они устроились у борта и принялись жевать.

– И эти помои они называют едой? – возмутился Жак, прожевав первую ложку каши.

– Не бухти, – отмахнулся Сашка. – Думай об этом, как о топливе для своего тела.

– Удивляюсь я тебе. Вот так легко относиться к таким вещам… – Жак возмущенно покрутил головой.

– А чего шуметь попусту? Ну сам подумай, это что-то изменит? Нет. Ну и чего тогда воздух сотрясать?

– Как ты сказал? Воздух сотрясать? – удивленно переспросил Жак. – Странное выражение. Никогда не слышал.

– Кажется, так наш капрал говорил, – состроив задумчивую физиономию, вздохнул Сашка, проклиная свой длинный язык. – Проклятье! Ничего не помню.

– Лучше вспомни, куда деньги сунул, – ворчливо посоветовал Жак.

– Какой теперь смысл? – пожал Сашка плечами. – Даже если вспомню, не плыть же за ними обратно.

– Почему бы и нет? Особенно если там есть, за чем плыть, – тут же отозвался однорукий. – Сколько там было, помнишь?

– Издеваешься? – возмутился Сашка. – Я имя свое с трудом вспомнил, а ты «сколько было».

– Ну хоть примерно, – не унимался Жак.

– Нет. Ты действительно издеваешься, – прошипел Сашка, начиная злиться. – Ну сам подумай, откуда у простого солдата могут быть серьезные деньги?

– Говорили, что ваш взвод резался с туарегами чаще других. Так что, думаю, тебе было что прятать, – не сдавался однорукий.

– И много ты видел у них серебра или золота? – рассмеялся Сашка. – Их богатство это верблюды. Чем больше стадо, тем туарег богаче. А из металлов они больше всего ценят не золото, а сталь. И больше всего дамасскую.

– А что тебе приснилось, что ты так стонал? – неожиданно сменил тему Жак.

– Взрыв склада, – скривился Сашка.

– М-да, понимаю, – кивнул Жак, покосившись на свой пустой рукав. – Мне иногда тоже моя рука снится.

Поев, они отдали свои миски помощнику кока и отправились обратно к своим матрацам. Жара начала спадать, дышать стало легче, но говорить не хотелось. Во всяком случае, Сашке. Так что, снова улегшись, он заложил руки за голову и принялся вспоминать свой сон. Странный, пугающий, но такой реалистичный. А самое главное, последние слова того старика. У безликого нет имени.

«Кто такие эти безликие и почему он называл меня учеником? – думал парень, прокручивая в памяти свой сон буквально покадрово. – Вот блин! Мне только мистики не хватало для полного счастья. А что если попробовать повторить то упражнение с посохом? Или посох имитирует оружие? Тогда какое именно? Хотя чего я гадаю? На Востоке пользуются саблями так, что применять эти движения, держа в руках шпагу, было бы глупо. Так, минутку. Это что же, я теперь еще и всяким холодняком владею? А ведь владею. Если вспомнить, как моя тушка кинжалами орудовала. Ага. Так, Санек. Не торопись. Ты в армии только толково стрелять научился и малость пользоваться тем, что обычному солдату положено. А здесь ты орудовал кинжалами и даже не морщился. Выходит, этот парнишка умудрился напроситься в ученики к какому-то мастеру и сумел выжить, благодаря его урокам. Нет. Так дело не пойдет. Надо пробовать», – с этой мыслью Сашка поднялся и принялся шарить среди груза на палубе, подбирая подходящую палку.

Наткнувшись на боцмана, парень коротко объяснил ему свои затруднения, мотивируя все тем, что потерял память. Задумчиво хмыкнув, боцман, мужчина лет пятидесяти, крепкий, как гриб боровик, задумчиво побарабанил пальцами по ящику, на который опирался, и, кивнув, велел парню следовать за ним. Легко сбежав по трапу на нижнюю палубу, он привел Сашку в какой-то закуток и, отперев низкую дверцу, скрылся в подсобке. Погремев там чем-то, он спустя минуту вынырнул обратно и, протянув Сашке обрезок рукоятки от швабры, проворчал:

– Пользуйся. Только не вздумай выкинуть.

– Не беспокойтесь, мсье. Мне главное понять, что я забыл, а что еще помню, – заверил его парень.

Поднявшись на палубу, он прошел на нос, где приметил подходящую по размеру площадку и, пару раз провернув в руке палку, замер. Спустя несколько секунд в голове его снова

зазвучал все тот же мотив, и парень начал двигаться. Очень скоро он понял, что в точности повторяет те движения, что выполнял во сне. Доведя свой танец до конца, Сашка замер в той же позе и, сделав глубокий вздох, очнулся.

– Ну ты даешь! – послышался восхищенный возглас.

Жак наблюдал за ним из-за кучи ящиков.

– Что это было?

– Специальные движения для тех, кто владеет саблей. Во всяком случае, нам это так объясняли, – пожал Сашка плечами и не спеша отправился к своему матрацу.

* * *

Неприятный звук прервал бесконечное сидение в одной и той же позе, и два молодых помощника принялись отдирать от тела Александра липкие кругляшки, от которых отходили какие-то длинные шнурки, связывавшие его с непонятным ящиком, который и издавал тот самый звук. С облегчением вздохнув, парень поднялся и длинно, от души потянулся, вскидывая руки над головой. Молодое, сильное тело взяло свое, и теперь Александр чувствовал себя почти так же, как до контузии.

Только с головой все еще было сложно. Он никак не мог сопоставить свое нечаянное спасение и жизнь в новом теле. Но самое главное, у него никак не получалось научиться принимать новую действительность такой, какая она есть. Без вмешательства высших или низших сил. Впрочем, у его неожиданно проявившейся набожности были весьма веские причины. Однажды, увидев по телевизору одно шоу, он покраснел, словно девица, и поспешил ретироваться из комнаты.

Потом, в разговоре коснувшись этой темы, он долго плевался, удивляясь распущенности современных нравов. Да, в его время тоже было не все так благостно, но люди не стремились так явно выставлять свои пороки напоказ. Именно это обстоятельство больше всего выводило парня из себя. Но при этом именно телевизор помогал ему наиболее быстро начать воспринимать многие понятия современности. Правда, после каждого просмотра телевизора у него возникала такая куча вопросов, что врачи, проводившие с ним различные исследования, начинали прятаться по углам.

Но самое большое впечатление на него произвела поездка на автомобиле. Из госпиталя, куда его привезли после контузии, Александра забрали в закрытый исследовательский институт. И эта поездка привела парня в дикий восторг. Едва оказавшись на территории института и дождавшись, когда машина остановится, он выскочил наружу и с ходу кинулся осматривать этот удивительный транспорт.

От полной разборки автомобиль спасло только то, у парня под рукой не нашлось никакого инструмента. Водитель то и дело оттаскивал его за шкирку от работающего двигателя. Привезший Александра майор тихо приказал ему присматривать, но не мешать, внимательно отслеживая реакцию парня. Дождавшись, когда Александр немного успокоится, он отвел его в сторону и, предложив сигарету, спросил:

– Я смотрю, тебе очень понравилась машина.

– Это же настоящее чудо, мсье! – восторженно выдохнул Александр. – Такие ровные линии! Точное литье! Я видел автомобиль всего три раза в своей жизни, но всегда мечтал научиться управлять им.

– То есть теперь ты окончательно убедился, что находишься совсем в другом времени и в этом нет никаких происков высших сил, – ловко ввернул майор.

– А как еще можно объяснить то, что со мной случилось? – тут же нашелся Александр. – Разве это сделала ваша техника?

– Увы, друг мой, – вздохнул майор с заметной растерянностью. – Наша техника к этому не имеет никакого отношения. Более того. Мы все здесь очень хотели бы знать, как это вообще произошло и чем это можно исправить.

– Вы готовы вернуть меня обратно? – встрепенулся парень.

– Я мог бы сказать, что могу это сделать, но это будет ложью. Но могу пообещать тебе точно, что с твоей помощью постараюсь в этом разобраться.

– Но чем я могу помочь? – не понял Александр.

– Полной откровенностью и старательным исполнением всех просьб, которые будут озвучены тебе другими учеными. Понимаешь, Саша, мы с таким еще не сталкивались, и потому любая крупица знаний может оказаться важной. Ты же хочешь вернуться обратно и получить назад свое собственное тело?

– Теперь, увидев такое чудо, – тут Александр кивнул на автомобиль, – я в этом не очень уверен. Хотя, если быть откровенным до конца, мсье, то мне очень страшно, и я действительно очень хочу домой. Да, там много неприглядного и откровенно мерзкого. Там грязно и много глупых проблем, но это была моя жизнь.

– Она и теперь твоя, – быстро ответил майор.

– Нет, мсье. Я, конечно, контужен, но я не дурак, отлично понимаю, что там, за забором, я не проживу и дня. Ведь я вообще ничего не знаю о вашем мире. Да, у меня проблемы с головой, но в этом я совершенно уверен.

– Ну, не все так плохо, друг мой, – поспешил утешить его майор. – Ведь сейчас ты абсолютно логично рассуждаешь, а значит, ты почти здоров. Это не значит, что мы можем просто отпустить тебя на все четыре стороны, ты сам сказал, что это станет для тебя гибельным. Но и назвать тебя умалишенным мы не можем. Это не так.

– Мсье, скажите честно. Что со мной будет? – помолчав, тихо спросил парень.

– Я не знаю, – нехотя вздохнул майор. – Решения принимаю не я. Ты был солдатом, и знаешь, что такое приказ.

В ответ Александр только молча кивнул, грустно усмехнувшись. Он и вправду понял, что хотел сказать ему этот необычный офицер. Как только он станет не нужен, его просто ликвидируют. Человек, знающий такой секрет, опасен сам по себе. Второй вариант – объявить его умалишенным и навсегда запереть в лечебнице. Получается, что выхода у него просто нет. Александр закрыл глаза и замер, словно окаменел. Майор, прикурив следующую сигарету от окурка первой, снова вздохнул и, выждав пару минут, все так же тихо добавил:

– Все не так плохо, Саша. Время у нас еще есть. А раз есть время и есть ресурсы для изучения твоего феномена, то есть и надежда. Не нужно помирать раньше времени.

– Что я должен делать? – дрогнувшим голосом спросил Александр.

– Набраться терпения и выполнять все, что от тебя потребует наша ученая братия, каким бы диким тебе это ни казалось. Согласен?

– А у меня есть выбор, мсье? – спросил парень с горькой иронией. В голосе его прозвучала неприкрытая боль.

– Выбор есть всегда, но не всегда он нам нравится, – вздохнул майор.

– Мудрые слова, мсье, – оценил Александр.

– Мудрые, но не мои, – усмехнулся офицер в ответ. – Ладно, приятель. Пойдем. У нас еще куча дел.

С того дня перед глазами Александра закрутился калейдоскоп событий. Сначала это было интересно и даже иногда весело. Но потом он стал уставать. Многие эксперименты повторялись раз за разом, иногда доводя его до исступления. Пользуясь тем, что парень старался помогать своим мучителям, они окончательно потеряли стыд и принялись терзать его так, словно забыли, что перед ними живой человек.

Еще немного, и Александр бы сорвался, но положение спас все тот же майор. В очередном разговоре, сообразив, что парень находится на грани срыва, он своим приказом остановил все эксперименты и заявил, что если кто-то посмеет тронуть подопытного в течение следующей недели, будет иметь дело с ним. Этот перерыв позволил Александру успокоиться и вернуть себе душевное равновесие.

Очередной виток исследований он воспринял стоически. Ученая братия, в очередной раз войдя в раж, принялась на этот раз терзать его тело. Проводились сотни всяческих экспериментов, брались тысячи проб и анализов. Еще немного и они разобрали бы его на запчасти. И все бы ничего, если бы не одно обстоятельство. В группу молодых исследователей входили несколько женщин. Александр, хоть и был не от мира сего в буквальном смысле этого слова, но оставался молодым, полным сил мужчиной.

Так что спустя какое-то время это стало доставлять некоторые неудобства. Как ученым, так и самому парню. Его бесило то, что эти женщины смели приказывать ему, и одновременно заставляло держать себя в руках. Старательно выполняя их команды, он таким образом пытался привлечь к себе их внимание, но они дружно оставались равнодушны, видя в нем только объект исследования. Однажды, после очередной хамской выходки одного из лаборантов, Александр не выдержал и приложился кулаком к его физиономии от всей своей широкой души.

Уважение к самому себе всегда помогало ему в самых сложных ситуациях, а умение постоять за себя помогало выжить. Так что после этого молодецкого удара лаборанта просто вынесло в соседний кабинет, где он своротил стол с приборами и плавно стек на пол, потеряв сознание. Майор, узнав об инциденте, долго смеялся, после чего пообещал лично свернуть челюсть любому, кто еще раз посмеет себя вести подобным образом.

Но уважения среди ученых этот случай Александру не принес. Более того. Однажды, проходя по коридору на очередной эксперимент, он услышал разговор женской части группы.

– Такое впечатление, что он по уши деревянный, – говорила эффектная брюнетка. Имен этих женщин ему никто не удосужился назвать. – Импульс даю такой, что впору быка с ног свалить, а он только морщится.

– Солдафон, чего ты хотела, – пожала плечами миниатюрная шатенка. – Вроде по-русски говорит правильно, а такое впечатление, что общаешься с полным дебилом. Я его спрашиваю, какие фасоны платьев носили в его время, а он мне: я в армии служил. Ну, и какой тут может быть результат?

– О чем вы, девочки, о каких результатах речь? – фыркнула высокая изящная блондинка. – Да он за невинную шутку Витюшу так приложил, что у того челюсть в двух местах сломана и компрессионный перелом позвоночника. Это он о стол так приложился. А всего-то велели не обосраться на центрифуге. А там, кстати, и будущие космонавты блюют бывает.

– Ой, не говори, – отмахнулась брюнетка. – И смотрит так, словно вот-вот насиловать кинется. Нет. Что ни говори, а дикарь, он и есть дикарь. – Боюсь, импульсы при следующих тестах придется повысить до максимума. А вообще, надоело все. Не понимаю я смысла всей этой работы. Развели секретность, не продохнуть. Цели не вижу, девочки. Цели!

Дальше Александр слушать не стал. Хватило и этого. К тому же его ждали в кабинете. Механически выполняя все указания, он с нетерпением ждал, когда все закончится и ему позволят остаться одному. Обида жгла душу, словно адское пламя. Значит, вот кем они его считают. Тупым дикарем. Что ж. Как сказал майор, всегда есть выбор, но не всегда он нам нравится. Парень грустно усмехнулся. Похоже, пришло время сделать этот выбор. Даже если он ему очень не нравится. Но он солдат, и должен уметь принимать тяжелые решения. Впрочем, услышав то, что услышал, Александр понял, что для него в этом мире места не существует.

День закончился, а настроение не улучшалось. Обдумывая все услышанное, Александр все больше укреплялся в своем первоначальном мнении. Этот мир не для него. Да, он комфор-

тен, технологичен, в чем-то даже дик, но места в нем человеку из прошлого просто не существует. Как там сказал майор? Придет время, и все решат за нас. А это значит, что, закончив свои опыты с ним, эти люди просто запрут его в какой-нибудь лечебнице, и больше свободы он не увидит.

Понимание этого заставило парня содрогнуться и быстро осмотреться, словно за ним уже пришли. Сообразив, что ему это только показалось, Александр поднялся с кровати и, подойдя к окну, с тоской уставился в синеющее небо. Ощущение обреченности вновь овладело им. Он так и простоял у окна до того момента, пока за ним снова не пришли. Пройдя в лабораторию, он покорно уселся в уже знакомое кресло, за что тут же получил от лаборанта замечание. Перед опытом требовалось обнажиться до пояса.

В ход опять пошли все те же липкие кругляши из непонятного материала, от которых к приборам тянулись тонкие шнурки. Лаборант быстро что-то настроил на своих приборах и, повернувшись, вопросительно уставился на стоявших у стола ученых. Один из мужчин протянул ему лист, вырванный из блокнота, с несколькими столбцами цифр. Удивленно хмыкнув, лаборант выставил требуемые параметры и снова покосился на ученых. Получив утверждающий кивок, он щелкнул тумблером и нажал на кнопку. По телу Александра пробежал электрический импульс, и ученые дружно склонились к мониторам.

Ни один из них не заметил, как тело парня начало мелко дрожать, а потом, резко выгнувшись дугой, обмякло. Сам Александр, наблюдая за их действиями, даже не пытался что-то сказать или возразить. Им овладела апатия и равнодушие. Единственная мысль, пойманной птицей бившаяся в его голове, была: «Я не хочу провести всю жизнь за решеткой!»

Потом с ним стало происходить что-то непонятное. Мышцы завибрировали, навалилась боль, зрение пропало, а в ушах раздался тихий, затухающий звон. Но очень скоро пропал и он. Тело вздрогнуло в последний раз и обмякло. То, что произошло что-то из ряда вон, заметил только наблюдавший за ходом опыта майор. Ворвавшись в лабораторию, он ударом ладони по клавише отключил прибор и потребовал вызвать бригаду реанимации. Но было уже поздно.

Вернувшись к себе, майор принялся просматривать запись, но ничего предосудительного так и не увидел. Отключив монитор, майор закурил и задумался. С уходом парня вся эта история теряла свой смысл. Стук в дверь оторвал офицера от мыслей. Вошедший врач, проводивший вскрытие, плюхнулся без разрешения на стул и, жадно закурив, тихо выдохнул, покрутив головой:

– Сколько живу, а такого еще не видел. Такое впечатление, что его просто выключили. Но не понимаю, как и почему.

– А все дело в том, что он не хотел жить под постоянным контролем. Он боялся нашего мира. Да еще и умники наши языки за зубами держать не умеют. Вот теперь сижу и думаю, что со всем этим стадом делать. Просто разогнать или отправить в Арктику пингвинов изучать.

– Пингвины в Антарктике, – затянувшись, напомнил врач.

– Жить захотят, и в Арктике найдут, – вдруг рявкнул майор, грохнув кулаком по столу.

* * *

Неделя перехода до Марселя оказалась настоящим испытанием. Сашка уже не знал, как избавиться от своего болтливо попутчика. Жак то и дело начинал ударяться в воспоминания, попутно словно невзначай задавая разные вопросы. Сашка или отмалчивался, или старался отвечать невпопад. Сам же в это время вспоминал свои похождения перед отправкой.

Сбежав из расположения полка, он отыскал среди запутанных улочек городка лавку менялы и, затаившись в тени закоулка, принялся ждать.

Спустя пару часов из лавки вышел дородный мужчина в арабской одежде, которого сопровождали двое громил. На поясе купца, а никем иным он быть не мог, висел солидный

кожаный мешок. Похоже, менялу он посетил не просто кофе попить. Запах этого напитка разнесся по улице, когда купец покидал лавку. Выждав пару минут, Сашка осторожно выскользнул из переулка и тут же замер, удивленно хмыкнув.

Похоже, мешок купца привлек не только его внимание. Следом за группой шли трое. Тощие, жилистые и, бесспорно, смертельно опасные. По всему было понятно, что это у них не первая охота. Двигались парни грамотно, держась в тени и не приближаясь к жертве слишком близко. Дождавшись, когда купец и компания удалятся от центра города, парни атаковали. Глядя на их действия, Сашка только ухмылялся и одобрительно хмыкал.

Пара метательных ножей была пущена в ход шагов за пять до плотного контакта. И сделано это было весьма профессионально. Сашка успел отметить, что ножи вошли в широкие спины охранников на ладонь выше поясницы. В почки. При таком ранении человек может только хрипеть от боли. Кричать просто сил не хватает. Болевой спазм не дает вздохнуть. Едва ножи достигли цели, как все трое ринулись вперед. Двое добивали охрану, а третий, метнувшись к купцу, с ходу всадил ему нож в горло, не давая вскрикнуть.

Оттащив свои жертвы в ближайший переулок, бандиты тщательно обыскали тела, передав все найденное тому, который зарезал купца, и только после этого принялись извлекать свое оружие. Вот теперь пришло Сашкино время. Кинжал дамасской стали с едва слышным хрустом разрубил ребра ближайшему бандиту, заставив его выгнуться всем телом и захрипеть. Далее последовал стремительный взмах, и второй бандит, булькая горлом, начал заваливаться на землю.

Главарь, отягощенный добычей, успел только выронить все собранное и схватиться за рукоять своего кинжала, когда клинок парня разрубил ему грудь, развалив сердце. Не останавливаясь, Сашка сделал шаг в сторону, одновременно выдергивая клинок из тела. Брызнувшая кровь попала ему только на кисть руки. Быстро обобрав бандитов и собрав все отобранное, Сашка покинул переулок.

Вернувшись в расположение, парень тщательно смыл кровь в лошадиной поилке и, прокравшись в казарму, завалился спать. Первая часть его плана была выполнена. Даже если в том мешочке окажется медь, все равно ему хватит на то, чтобы сделать задуманное. Утром, умывшись и позавтракав пустой кашей, парень снова отправился в город. Побродив по базару, он приобрел несколько мелочей и, добравшись до одежной лавки, принялся искать то, за чем пришел.

Широкие восточные шаровары темно-синего цвета подошли ему в самый раз. Дальше нашлась шелковая темно-серая рубашка и такой же пояс. Там же парень приобрел три куска шелка черного цвета. В лавке сапожника он прикупил что-то вроде ботинок на кожаной подошве. Без каблука, но на кожаной же шнуровке. Как выяснилось, такие покупал мастеровой люд. И удобно, и не тяжело.

Вернувшись в полк, Сашка был с ходу атакован Жаком, который с какого-то перепугу решил, что парень станет перед ним отчитываться.

– Приятель, ты ничего не перепутал? – фыркнул Сашка, глядя на него с мрачной иронией. – Решил вдруг, что ты моя мамаша?

– Я беспокоился, – нашелся однорукий. – Вспомнил, как ты потерял сознание под забором.

– Приступов давно уже не было. К тому же я слежу за собой, – пожал Сашка плечами и, развернувшись, отправился в казарму.

Там, усевшись на койку, он снова занялся шитьем. За этим занятием его и застал Жак. Увидев, чем он занят, однорукий тут же снова принялся задавать вопросы. Понимая, что просто так он не отстанет, Сашка сделал вид, что удивлен, и, пожав плечами, спросил:

– А сам как думаешь? Мы возвращаемся в метрополию, а там подобные вещи из щелка стоят намного дороже. А носить что-то нужно. Не бродить же все время в мундире. К тому же он и так еле держится. Да и дома постоянно в сапогах ходить не будешь.

– Так это все только из желания сэкономить? – растерялся Жак.

– А ты что думал? – не понял Сашка. – Забыл, что с деньгами у меня теперь не очень?

– Так и не вспомнил? – участливо поинтересовался однорукий.

– Нет, – Сашка грустно мотнул головой. – Специально по городу бродил, думал, может, хоть какое место знакомым покажется. Пусто.

– Сочувствую, приятель, – скривился Жак.

«Сказал кот мышонку», – фыркнул про себя Сашка.

– Ты еще спроси, сколько отступных мне начислили. Вот тогда я точно посмеюсь.

– Мне выдали вексель на три сотни франков, – вдруг признался Жак. – Думаю, как только получим документы, так сразу пойду в банк и обменяю его на настоящие хрустики. Предпочитаю иметь свое при себе. Так оно надежнее. Даже серебро брать не стану. Бумага и легче, и места занимает меньше. Тем более что правительство и банкиры бумагой дают больше, чем металлами. В общем, мои деньги должны быть при мне.

– Это смотря, что делать собираешься, – подумав, высказался Сашка.

– Ну, выбор у меня не особо и большой, – усмехнулся Жак, шевельнув культей. – А ты что решил?

– Пока не знаю. Осмотреться надо, – вздохнул парень.

– Странный ты, приятель. Вроде и молод, а ведешь себя, словно старик. «Не знаю, осмотреться надо», – передразнил он Сашку. – Денег-то хоть много отвалили?

– Так же, три сотни, – ответил Сашка, едва сдерживая смех.

Вот теперь все вставало на свои места. Однорукий не просто так искал дружбы с ним и так старательно влезал в душу. Он явно решил, что после получения бумаг и обналичивания векселя сможет избавиться от Сашки. Но сам парень уже давно принял решение, и попутчики ему были не нужны. Особенно такие. Его путь лежал в родные края. Закончив шить, он почистил мундир и отправился обедать. Кухня в полку разнообразием не отличалась, но и с голоду не помрешь. Обычная солдатская каша.

После обеда Сашка вернулся в казарму и завалился на койку. Их положение списанных инвалидов позволяло подобные вольности. Он проспал до самого ужина, на который отправился, освежившись у колодца. Вода в этих местах огромная ценность, но на территории полка было аж пять таких колодцев. Что ни говори, а обеспечить целый полк солдат водой даже по самому минимуму было не так просто.

Бездумно поужинав, словно топливо в топку закидал, Сашка вернулся в казарму и принялся готовиться к ночному выходу. Теперь, когда у него была подходящая одежда, это должно было быть гораздо проще. Прошлой ночью, когда он решился напасть на трех вооруженных бандитов, это был почти шаг отчаяния. Ему нужны были деньги. Любой ценой. Влачить нищенское существование парень не собирался. Нищих в России и без него хватало. Это Сашка помнил из школьного курса истории. Но самое главное, это реакция на убийство его тела.

Увлекшись наблюдением за бандитами, Сашка словно отключился, и его тело начало действовать самостоятельно. И как оказалось, оно отлично знало, что нужно делать, а главное, как. В итоге в ранце поселился мешочек серебра. Среди захваченных клинков нашлось и несколько достойных внимания. Особенно один. Очевидно, купеческий. Внешне точная копия того кинжала, что был у самого Сашки. Остальные ножи не дамасская сталь, конечно, но и не полное барахло.

В общем, ранец заметно потяжелел. Но, как говорится, своя ноша не тянет. Убедившись, что Жак отправился в солдатский трактир, промочить горло местным просяным пивом, Сашка быстро проскользнул за казарму и, переодевшись, перемахнул через забор. Через пол-

часа снова он был у лавки менялы. Уже стемнело, так что рассмотреть его в узком переулке было нереально. Из одного куска шелка парень соорудил себе головной убор навроде тех, что показывали в фильмах про всяких японских мастеров тайных убийств. Одни глаза сверкали. Откуда у него вдруг проявились такие знания, парень и сам не очень понимал. В армии такому не учили.

Из лавки менялы появился крепкий мужчина восточной наружности, с виду настоящий воин, и не спеша двинулся к окраине города. Что-то в его движениях насторожило парня. Слишком уж уверенно шел. Словно знал, что помощь постоянно где-то рядом. Решив довериться своим инстинктам, Сашка остался на месте и не пожалел. С соседней улочки выскочили трое крепких мужиков, со знаками местной городской стражи на бычьих шеях, и поспешили следом.

Задумчиво почесав в затылке, Сашка уже решил было вернуться в полк, когда приметил весьма интересную парочку. Мужички средних лет были точной копией той троицы, что он упокоил прошлой ночью. Явно местные джентльмены удачи. Задумчиво посмотрев вслед ушедшим ментам, так про себя Сашка обозвал тех мужиков, он последовал за парочкой. Как оказалось, эти уже точно знали, куда идут.

Добравшись до какой-то забегаловки, они притаились напротив дверей, в тени старого платана. Выбрав по каким-то своим признакам жертву, они проводили ее до ближайшего переулка и занялись делом. На этот раз, словно для разнообразия, бандиты решили обойтись без крови. В ход была пущена дубинка. Точнее, кожаный мешочек, набитый свинцовой дробью. Череп такой штукой не проломишь, а вот из сознания вырубает разом.

Дождавшись, когда бандиты сделают свое дело, Сашка вступил в игру. Пара быстрых бесшумных шагов, стремительный взмах кинжалом, и тела мирно покоятся под стеной. Ни шума, ни криков и никаких свидетелей. На этот раз его добычей стало немного серебра, пара десятков медной мелочи и одна золотая монета.

«Негусто, – проворчал про себя парень, стремительно скользя по темным улицам в сторону расположения полка. – Но все лучше, чем ничего. А вообще, пора заканчивать. Раз уж местные менты засуетились, значит, можно нарваться. Вот интересно. Вроде север Африки, мусульманская страна, а нравы веселее, чем у нас».

Перемахнув забор, он достал из-под кучи старых досок свой мундир и, быстро переодевшись, пробрался в казарму. Жака еще не было. Так что он быстро разделся и улегся в кровать. Утром Жак выглядел весьма примечательно. С крепкого бодуна и с роскошным фингалом на половину морды. Похоже, не все готовы терпеть его длинный язык. Не обращая на него внимания, Сашка сбегал к колодцу и, умывшись, отправился завтракать.

Вернувшись в казарму, парень уселся на койку и предался размышлениям, чем заполнить нежданный досуг. Но как вскоре выяснилось, все уже было решено за него. Решительно вошедший в казарму дежурный сержант, увидев инвалидов, издал многозначительный возглас:

– Ага! – И решительно направился к ним. – У вас два часа, чтобы собраться и привести все дела в порядок. В полдень у ворот будет стоять обоз из трех фургонов. Поедете с ними. Заодно и послужите напоследок сопровождением. Корабль уже готов к отходу. И имейте в виду. Опоздаете, будете добираться до дому за свой счет. Следующий пароход будет только через два месяца.

– При всем уважении, сержант, но какое из нас сопровождение без оружия? – пожал Сашка плечами, доставая из-под койки свой ранец.

– Просто бумаги отвезете, – отмахнулся тот. – Возницы вооружены. А вам теперь оружия и не положено.

– Ну, бумаги, это запросто, – кивнул Сашка и, легонько пнув Жака по голени, скомандовал: – Приди в себя, приятель. Сходи к колодцу и окуни башку в ведро с водой. Полегчает.

И вообще, возьми себя в руки. Я не собираюсь торчать тут еще два месяца, а потом платить за переезд.

– Вот это правильно, парень, – одобрительно кивнул наблюдавший за ним сержант. – Это по-нашему.

Спустя два часа они тряслись в старом фургоне, которым управлял седоусый возница. Пара меринов тянули фургон неспешной рысью, но к пароходу они успели с запасом. Как оказалось, сержант над ними подшутил. Груз этих фургонов как раз и ожидался. Спустя еще два часа их плавсредство испустило долгий гудок и отвалило от причала.

* * *

Порт Марселя встретил их обычной суетой, запахами гниющих водорослей, рыбы и неистребимой угольной пыли. Сойдя на пирс, Сашка не спеша огляделся и, поправив ранец, решительно зашагал в сторону города. Едва поспевавший за ним Жак, запыхавшись, ухватил парня за рукав и, дернув, потребовал ответа:

– Ты куда так несешься? Случилось чего?

– Хочу успеть в магистратуру до закрытия. Оформлю бумаги, и тогда можно будет подумать о будущем. Надоела эта неопределенность.

– Ну, тут ты, пожалуй, прав, – кивнул Жак, несколько растерявшись от такого напора.

Сделав вид, что сказал всё, Сашка развернулся и зашагал дальше. Искать нужное здание не пришлось. В старых городах их располагали на центральных площадях. Это парень помнил из передач о городах мира, которые видел в приюте. Добрались они до места за час до закрытия. Ввалившись в здание, Сашка ухватил первого попавшегося чиновника за рукав и, мрачно глядя в глаза, спросил:

– Где тут паспорта бывшим солдатам выдают?

– Третий этаж, вторая дверь по правую руку в левом коридоре, – икнув и заметно сбледнув с лица, ответил чиновник, очень точно указав направление.

– Благодарю, мсье, – кивнул Сашка, вспомнив о правилах приличия.

В кабинете все повторилось почти в точности. С той только разницей, что сидевший за конторкой писарь четыре раза ронял перо и переспрашивал все по два раза. Получив бумаги и сдав полученные в полку документы, Сашка вышел за дверь, оставив Жака решать свои проблемы. Теперь, став полноправным гражданином, он мог отправляться куда угодно. У Жака же возникли какие-то проблемы с пенсией. Ему, как явному инвалиду, ее нужно было оформлять там, где он будет жить.

Для Сашки же все было гораздо сложнее. Вывод полкового врача должен был подтвердить психиатр, имеющийся в городе, который изберет для проживания сам инвалид. Только после его заключения парню станут начислять пенсию. И не сказать, что большую. Понимая, что спорить с чиновником Жак может до второго пришествия, Сашка вышел из здания и, оглядевшись, приметил небольшую кофейню, из которой доносились дразнящие запахи настоящего кофе и свежей выпечки.

Аккуратно проверив наличность, Сашка прошел под широкую маркизу, где располагалось полдюжины столиков, и, усевшись в дальнем углу, с нетерпением покосился в сторону официанта. Подошедший к нему гарсон, разбитной парень лет двадцати, в белом переднике, окинул мундир парня быстрым, оценивающим взглядом и, чуть поморщившись, коротко спросил:

– Что подать, служивый?

– Парень, я пару часов как с парохода, так что принеси чашечку кофе и пару сладких булочек, душу отвести, – улыбнулся ему Сашка.

Лучше бы он этого не делал. Гарсон, заметно побледнев, истово кивнул и исчез, словно испарился. Спустя три минуты перед парнем стоял его заказ. Поблагодарив его кивком головы, Сашка сразу попросил счет и, увидев сумму, мысленно присвистнул. Такие развлечения ему явно не по карману. Но разок оттянуться можно. Так что, достав из кармана пару серебряных монет, парень выложил их на счет и, не дожидаясь сдачи, принялся за еду.

Гарсон, ловко смахнув со столешницы деньги, отошел в сторону, но старался держаться так, чтобы видеть Сашку постоянно. Заметив этот его маневр, парень удивленно хмыкнул и незаметно осмотрелся. Он не понимал, что происходит и почему официант так нервно реагирует на его присутствие. Впрочем, для самого Сашки никакой опасности не наблюдалось, так что он с удовольствием отдал должное свежей выпечке. Уничтожив заказанное, он с сожалением отодвинул тарелку и принялся смаковать остатки кофе. Такой напиток он пару раз пробовал в Африке. Арабы умеют варить отличный кофе. Но и местный бариста был настоящим профессионалом.

Сашка уже заканчивал балдеть, когда в кофейню вошла шумная компания и, заметив в углу солдата, тут же обрадованно загомонила, предвкушая веселье. Гарсон, приметив компанию еще на подходе, скривился и, покосившись на парня, вздохнул. Все это Сашка вспомнил уже потом. А в тот момент ему было плевать на подгулявшую компанию с высокой колокольни. Он сумел вырваться из армии живым, даже почти здоровым, и теперь мог приступать к выполнению своего плана. Осталось только посетить банк, чтобы обналичить вексель.

Из размышлений он вынырнул, когда почувствовал, что в его сторону явно с недобрыми намерениями двигаются два человека. Одним глотком допив остаток кофе, парень осторожно поставил чашку на блюдце и, поднявшись, подхватил свой ранец. Найдя взглядом гарсона, Сашка сделал вид, что не замечает движущихся к нему парней и, стараясь не улыбаться, громко сказал:

– Приятель, передай бариста мою благодарность. Такой кофе я пробовал только в арабских кофейнях в Африке. Он настоящий мастер.

– Она, мсье, – ответил официант, удивленно улыбнувшись. – Благодарю вас. Обязательно передам ей ваши слова.

Приближавшаяся парочка, как следует рассмотрев физиономию парня, заметно стушевалась, но, переглянувшись, заступила ему дорогу.

– Любишь хороший кофе? – спросил один, перекрывая ему проход.

– Это запрещено законом? – ответил Сашка вопросом на вопрос.

– Э-э, нет, – буркнул неизвестный, заметно растерявшись.

– Вот и прекрасно. Значит, я смогу завтра повторить, – хмыкнул парень, ловко обходя стул, который этот болтун поставил перед ним.

– Ты больше сюда не придешь, – вдруг отчего-то разозлившись, заявил тот.

– С чего бы это? – фыркнул Сашка, чувствуя, что начинает злиться.

– Это наша территория, и мы будем решать, кто может посещать нашу кофейню, а кто нет.

– А что, мои деньги чем-то хуже других? – удивленно хмыкнул Сашка, понимая, что его провоцируют. Судя по физиономиям, это какая-то местная банда.

– Нам не нравится твоя рожа, солдатик. Так что вали отсюда и больше не появляйся, – вызверился неизвестный, быстрым движением сунув руку в карман.

– Себя-то давно в зеркале видел? – спросил Сашка, краем глаза отслеживая перемещения второго бойца.

То, что это местный рэкет, парень уже не сомневался. Как не сомневался и в том, что парни, как следует выпив, теперь ищут развлечений. В общем, судя по их настрою, без драки точно не обойдется. Но самое неприятное, что попадать в участок Сашке категорически противопоказано. Ведь в ранце у него было сложено все, что он сумел добыть. В том, что местные

жандармы прикарманят все его сбережения, парень даже не сомневался. Так что уходить придется не просто быстро, а так, чтобы подошвы у сапог отлетали.

Тем временем неизвестный, осознав, что ему сказали, зарычал и, выхватив из кармана все ту же кожаную дубинку, набитую дробью, замахнулся.

– М-да, мужик, пока ты собираешься, я успею еще чашку кофе выпить, – буркнул про себя Сашка, начиная двигаться вместе с ним.

Ранец из его рук тут же был отправлен противнику в лицо, а нога пнула на развороте стул, отбрасывая его под ноги второму нападавшему. Не останавливаясь, Сашка тут же ударил первого рэкетира костяшками пальцев в горло и, прыгнув в сторону второго, приложил его кулаком под ухо. Он никогда толком не занимался рукопашным боем или еще каким-нибудь ногомашеством и рукодрыжеством, но драться умел так, что противнику становилось страшно.

Правил в драках для него не существовало. А самое главное, что дядя Сеня сумел обучить его нескольким приемам, которые он сумел отточить до полного автоматизма, за что Сашка был ему безмерно благодарен. Вот и сейчас заученные насмерть болевые точки, удары по которым качественно выводили противников из строя, позволили ему парой движений уложить нападавших на пол. Никто еще не успел ничего понять, а парень, подхватив свой ранец, ловко перемахнул невысокую декоративную загородку и тут же шмыгнул в переулок.

Раздавшийся в кофейне возмущенный рев полдюжины глоток заставил его презрительно усмехнуться и ускорить шаг. Он свернул в следующий переулок, обходя здание кофейни по кругу, когда из двери выскочила женщина и, ухватив его за рукав, стремительно протараторила:

– Не выходи на площадь. Они кинулись в погоню. Увидят – убьют. Пьяные они.

Сашка уже слышал азартные выкрики и топот ног.

– Не могу же я раствориться, – пожал он плечами. – Спасибо за помощь, мадам, но вам лучше спрятаться. Боюсь, сейчас здесь будет очень грязно.

– Иди за мной, – решившись, велела женщина и, не выпуская из пальцев его рукав, потащила в двери.

Понимая, что это шанс избежать проблем, Сашка без раздумий последовал за ней. Поднявшись по крутой узкой лестнице, он оказался в небольшой, но уютной квартирке, располагавшейся над кофейней. Оставив ранец у двери, парень тщательно вытер подошвы сапог о небольшой половичок у порога и осторожно вошел в комнату, с интересом оглядываясь. С первого взгляда стало понятно, что здесь жила женщина. Все прибрано, протерто, а все вещи разложены по местам.

Остановившаяся у круглого стола, женщина, с интересом рассматривала его. Потом, указав на стул, сказала:

– Присядь. Расскажи о себе.

– Мне особо нечего рассказать, – пожал Сашка плечами, осторожно усаживаясь на стул. – Родился в приюте. Однажды, после драки, в которой случайно прибил одного подонка, вынужден был записаться в легион. С тех пор и служил. Недавно получил серьезную контузию и был списан. Вот, в общем-то, и все.

– Был в Алжире? – спросила она.

– Алжир, Марокко. Да можно сказать, весь север Африки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.